

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

:

Peeters-Podgaevskaja, A.V.

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):
Peeters-Podgaevskaja, A. V. (2008).

:

Amsterdam: Pegasus

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <http://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

- в осмыслении локумов *посад, городок, кабак, стойло* произошла смена доминантных признаков (внимание переключено с функционального контакта с поверхностью на границы объема), что привело к переходу в контейнерные категории;
- у концепта >РУСЬ< изменился комплекс ассоциаций (от суверенного государства с четкими границами к некой этнической области без определенных границ), что привело к переходу данного концепта в поверхностную категорию;
- снята вариативность в употреблении предлогов у локумов *лес, торг, монастырь, остров*.

10 Таким образом, на основании анализа памятников документальной и эпистолярной письменности XIV – XVII веков можно сделать вывод о том, что в пространственной концептуальной системе русского языка представленного периода отмечаются три параллельных процесса:

- четкая закреплённость основного массива концептов за определенными категориями;
- переход некоторых концептов из одной категории в другую и из одного концептуального типа в другой;
- регулярные колебания в языковой репрезентации некоторых концептов.

4.8 Летописи

4.8.1 Выбор и ограничение материала

При отборе летописного материала для детального анализа мы руководствовались следующими принципами (см. также раздел 4.2).

- В центре анализа стоят произведения хроникального жанра, созданные в исконно русских областях первичного расселения (Ростово-Суздальская Русь, Новгородская и Псковская земли) и отражающие летописную традицию на протяжении нескольких веков (тексты относятся к одной области, но к разным периодам).

- В основе каждой летописи должен лежать один список, единый текст, а не компиляция различных списков, продолжающих и дополняющих друг друга, поскольку летопись для нас – это, прежде всего, памятник языка, а не истории.
- Летописи должны относиться по времени к XIV – XVI векам, к периоду активного функционирования летописного жанра. От XIV века, к сожалению, сохранились лишь Лаврентьевская летопись и Новгородская I по Синодальному списку. К самому началу XV века относятся Московско-Академический список Суздальской летописи и Рогожский летописец.

Большое разнообразие летописных источников датируется XV – первой половиной XVI века, что связано с различными причинами. С одной стороны, летописание еще не являлось в это время прерогативой только князя или митрополита: в ведущих монастырях (Киево-Печерский, Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиевский, Псково-Печерский и т.д.) сохранялось обширное неофициальное летописание. С другой стороны, авторитет Москвы в этой области был еще не столь высок, чтобы подавить всякие иные летописные центры (Лурье 1976: 259-260). Летописи активно составлялись в Новгороде, Твери, Ростове.

Однако уже во второй половине XVI века в результате жесткой объединительной политики Москвы летописание в крупных летописных центрах угасает. Общерусская летописная традиция еще сохраняется на протяжении всего XVII века в провинции: Вологда, Устюг, Холмогоры. Но сама идея широкого охвата событий постепенно выхолащивается. В провинции летописи превращаются в ‘летописчики’, представляющие собой минимальную сводку летописного материала.³³ В самой же Москве традиционное летописание трансформируется. С одной стороны, оно начинает больше напоминать подсобное для государственного архива предприятие, подшивку документов, систематизированных по хронологическому и географическому признаку, что не могло не отразиться на языковой ткани (если и содержащей, то крайне ограниченный и однообразный набор контекстов и локальных концептов).

С другой стороны, усложнение требований к летописи как историческому произведению привело в середине XVI – начале XVII века к появлению монументальных летописно-хронографических сводов, содержащих изложение не только мировой истории от сотворения мира, но и русской истории, доходящей до современного составителя момента. Никоновская летопись и Лицевой свод являются важнейшими образцами этого направления в летописании.³⁴ В то же время разрабатывались новые жанры: исторические повести и хронографы, грандиозные обзоры мировой истории, основанные в первую очередь на материале уже известных переводных произведений или впервые переводимых. Хронограф внес “совершенно новую стилистическую струю в русское летописание” (Лихачев 1947: 332).

Но не пафос социального заказа летописно-хронографических сводов или литературность и слабая фактическая сторона хронографов, а тот факт, что они создавались на церковнославянском языке, не дает нам возможности включить их в свой анализ. Язык сводов и хронографов – это язык житий и богослужения, из него последовательно изгонялись “столь обычные в русской летописи просторечные выражения, дипломатические, юридические, ратные термины, даже просто прямые обозначения бытовых явлений” (Лихачев 1947: 345), т.е. все то, что создавалось на русском языке.

4.8.2 Характер летописного текста

При анализе произведений хроникального жанра исследователь сталкивается с целым рядом проблем, которые обусловлены самой природой составления летописей, представлявших собой компиляции различных источников, созданных зачастую в различных землях и в различное время.³⁵

Механизмы сведения разрозненных фрагментов-известий из нескольких летописных источников в единую летопись раскрыты в фундаментальных трудах: *Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* (Шахматов 1938), *История русского летописания XI–XV вв.* (Приселков 1996), *История рус-*

ского летописания XI – начала XVIII века. (Насонов 1969), *Общерусские летописи XIV – XV вв.* (Лурье 1976).

Однако использование одного и того же фактического и текстуального материала не означало дословного переноса текста из одной летописи в другую, хотя заимствований и параллельных пассажей исключать полностью нельзя. Если в списках одной и той же летописи исследователь находит огромное множество текстуальных расхождений, то это еще в большей мере верно и для различных летописных памятников, поскольку сводчики не были механическими исполнителями писцовой работы. В записях в определенной мере проявляется воля писца, его стремление к более точному и правильному, с его точки зрения, изложению необходимых сведений и интерпретации событий (Малышева 1998: 127; Молдован 1997: 66). Составитель, например, Радзивилловской летописи занимался частичной переработкой языка первоисточника и заменой архаичных выражений, читающихся еще в Лаврентьевской летописи. А составитель Московского летописного свода на основе Софийской I, Троицкой и Ипатьевской летописей последовательно исключал библейские цитаты и религиозные сентенции (Насонов 1969: 293-294), а также вносил тенденциозные искажения материала ради согласования настоящего с далеким прошлым (Лурье 1976: 161).

Безусловно, летописный текст носит диффузный характер. Как правило, более древние явления (речь не идет об орфографии) можно найти в начальной части летописи, современное состояние лучше представлено в заключительной части (если летопись сохранилась целиком), где в полной мере отражены факты местной истории, записанные непосредственно самим сводчиком, а не переписанные им (см. Лурье 1976: 107, 112, 255; Живов 1995: 49-50). Поэтому выводы, сделанные, с одной стороны, на основе анализа оригинальной (заключительной) летописной части, раскрывающей актуальное на тот момент состояние языка и представлений о мире, а с другой – на основе сопоставления языковых фактов различных частей летописи, имеют важнейшее для нас значение.

4.8.3 Русский язык в летописном источнике

Стало общим местом утверждение о смешанном характере языка летописей, о том, что в них представлена норма церковнославянского языка сниженного типа с очень сильным русскоязычным элементом (см. об этом подробнее Лихачев (1947: 143-144); Ларин (1975: 202-213); Алексеев (1987: 43-44); Ремнева (2003: 31)). Наличие многочисленных явлений древнерусского языка объясняется:

- во-первых, *характером источников*, привлекаемых к летописанию. Использование устных рассказов, народных легенд, пересказ былин и исторических песен со всей яркостью диалектных особенностей, несмотря на последующее редакционное сглаживание, не могли не отразиться на летописном тексте. Так, Лихачев отмечает, что Нестор в своей «Повести» и последующие летописцы Киево-Печерского монастыря использовали многочисленные устные сведения новгородцев Вышаты и Яна Вышатича, с которыми они лично были знакомы (Лихачев 1947: 102-114). А Приселков заключает, что последние события Лаврентьевской летописи (свода 1305 г.) относятся не к какому-либо письменному источнику, а к устным рассказам, записанным самим сводчиком (Лурье 1976: 35). В Московском летописном своде 1479 г. к числу оригинальных статей относятся, например, записи рассказа московского дьяка Стефана Бородатого о чудесах при рождении князя Василия II (Лурье 1989: 33). Здесь же практически в протокольной форме представлены записи политически и исторически важных диалогов, где мы встречаем не только отдельные лексические и фразеологические элементы, но и синтаксис разговорного языка (Ларин 1975: 228). Интересный пример выявления устной основы источника дает исследование Насоновым Псковской летописи, где ее составитель сам указывает на устные показания, использованные им в своей работе (Лихачев 1962: 345).

Одной из самых характерных черт русской летописи, отличающей ее, например, от византийских хроник, является наличие прямой речи, чаще всего в форме посольских речей, которые летописцы добросовестно воспроизводили в летописном тексте, сохраняя особенности устной речи. По

утверждению Лихачева (1947: 123), “речи новгородских послов сохраняют весь свой северный колорит даже в передаче киевской летописи”.

Порой сам составитель не воздерживался от комментария при описании событий, используя и бранную лексику (например, см. комментирование пассажей о том, как новгородцы выгнали князя Романа, в Софийской I летописи младшей редакции и в Московском летописном своде).

Деловые тексты из княжеской переписки и юридические акты, отчеты о строительстве и торгах, представленные в летописях, переносились зачастую дословно, что также значительно русифицировало летописный текст.³⁶

- во-вторых, *предметом повествования и установкой книжника*, что приводило к соседству двух языковых стихий в рамках одного произведения.³⁷ Так, отрывок из жития святого или речь митрополита с осуждением междоусобицы, безусловно, были написаны на церковнославянском языке, в то время как записи об очередном пожаре или моровом поветрии, бытовые зарисовки, как правило, делались на русском языке. И именно подобные контексты для нас оказываются важнейшими, поскольку там встречается большее количество различных локумов.

- в-третьих, *местом и временем составления летописных текстов*. Поздний характер некоторых летописей или их удаленность при составлении от официальных центров летописания значительно влияли на состав языка.

В Псковских летописях и летописях, составленных на Русском Севере, при изложении локальных событий широко использовалась местная разновидность делового и разговорного языка с элементами городского койне и даже диалекта (Денисенко 1988; Зализняк 2004: 14-15).

- в-четвертых, *степенью компетентности книжника*. Овладение книжным языком, т.е. церковнославянским, осуществлялось исключительно на основе чтения, понимания и заучивания наизусть прежде созданных книжных текстов при последующем воспроизведении заученных элементов. Подобное усвоение предполагало интерпретацию специфически книж-

ных слов и конструкций, не имеющих прямого соответствия в языке автора. Понятно, что такое употребление могло существенно отличаться от образцовых текстов. Степень отличия определялась степенью несходства книжного языка с разговорным языком автора, а также степенью начитанности, языковым чутьем и стремлением воспроизвести образцовый узус детально или только в общих чертах (Живов 1995: 46-47).

Уровень грамотности переписчика сказывался, прежде всего, на орфографии текста (Лихачев 1962: 71-73; Малкова 1979: 108-110; Молдован 1997: 64-65), но собственный диалект писца мог влиять на те аспекты текста, которые представляют интерес для нас. Нельзя, однако, забывать, что писцы никогда не стремились передать на письме свой собственный диалект, как не стремились передать и точную орфографию протографа (Дурново 2000: 392; Филин 1972: 119; Гальченко 2000: 145).

- в-пятых, *способами переписки и качеством самого текста*. По мнению Лихачева (1962: 60), при переписывании писцы, как правило, сначала прочитывали некоторый отрывок текста, потом запоминали его и, внутренне надиктовывая его, воспроизводили на письме. Сюда могли вкратиться ошибки, связанные с неправильным прочтением или памятью писца. Если писец запомнил отрывок не дословно, то подмена явлений текста собственными, похожими по смыслу, была вполне возможна.

На появление русских элементов текста могло влиять и качество источника переписки (Лихачев 1962: 60), и уровень понимания и истолкования текста самим писцом (Алексеев 1987: 36).

Все эти факторы определяли характер языковой нормы летописных источников:

Поскольку норма определялась образцами, раз возникнув, смешанные тексты провоцировали появление других подобных текстов. (Алексеев 1987: 44)

4.8.4 Краткое описание изученных летописей

4.8.4.1 Летописи Ростово-Суздальской Руси

Летописание в Ростово-Суздальской Руси возникает уже в XII веке. Как считает Приселков (1996: 108-136), первый Владимирский свод появился в 1177 г., а затем был продолжен в своде 1193 г. В 1212 г. был составлен лицом из великокняжеского окружения новый Владимирский свод. Сводчик значительно переработал предыдущий материал, извлекая из него малоинтересные события, сокращая церковные пассажи, сличил две редакции «Повести временных лет», обновил язык изложения.

Практически параллельно летописанию во Владимире ведется составление летописей и в Ростове при Успенском соборе. В Лаврентьевской летописи наличествует мощная струя ростовских известий, извлеченных из Ростовского владычного свода 1263 г. (Приселков 1996: 154). В Ростове и в XV веке продолжало вестись летописание, соединявшее общерусские известия с описанием местных событий.

К началу XIV века большое распространение получают тверские великокняжеские своды, первый из которых сохранился в Лаврентьевской летописи в записях с 1284 по 1305 гг. Однако последующее тверское летописание дошло до нас или в московской переработке, или в отдельных небольших кусках, совершенно случайно уцелевших, что еще раз демонстрирует, как «беспощадна была московская ревизия летописаний тех феодальных центров, которые боролись с Москвою до времени установления национального государства» (Приселков 1996: 165).

Интересно, что общерусский свод 1408 г. был использован как основа нового летописания только в двух летописных центрах: в Твери и Ростове. Переработка, осуществленная тверской епископской кафедрой, сохранилась в дефектных экземплярах Рогожского летописца и Симеоновской летописи и продолжения не имела (Приселков 1996: 202). Фрагменты Ростовского летописного свода, доведенного до начала XV века, находим в Московско-Академической летописи.

В XIV веке начинается Московское летописание, однако до последней четверти XIV века мы не располагаем никакими летописными памятниками.

ми. Текст Московского великокняжеского свода XIV века, если таковой и был, отразился лишь в близкой к нему по времени Троицкой летописи, сгоревшей в пожарах 1812 г. (Лурье 1976: 62-66).³⁸

Отсутствие в распоряжении исследователя летописных источников московского происхождения еще не означает перерыва в летописной традиции. Московские своды 1472 г. и 1479 г. как раз и отражают различные этапы летописной деятельности XV века в Москве и могут считаться типичными образчиками великокняжеского летописания.

Свод 1479 г. представляет собой обширный источник компилятивного характера и примыкает к традиции официального великокняжеского летописания, продолженного в Воскресенской и Никоновской летописях. Параллельно этому составлялись и митрополичьи своды, предлагающие иную точку зрения на исторические события и использующие иные источники. К таковым относится, например, свод 1497 г., Уваровская летопись 1518 г.

Таким образом, в Северо-Восточной Руси преемственность летописной традиции сохранялась на протяжении всего интересующего нас периода. Однако мы, к сожалению, не располагаем всеми возможными памятниками, чтобы поэтапно проследить развитие когнитивных и языковых явлений, связанных с пространственной концептуализацией. Мы также отдаем себе отчет в том, что при таком, несколько ограниченном объеме дошедших до нас летописей в выводах, безусловно, возрастает влияние индивидуальных черт текста и доли случайности при обобщении.

Итак, в анализ включены следующие, наиболее важные, летописи Ростово-Суздальской Руси:

- *Лаврентьевская летопись* (далее ЛЛ).³⁹

В основу положены Владимирский свод 1193 г., Летописец Переяславля Русского и Ростовский великокняжеский свод (Приселков 1996: 108-159). «Повесть временных лет» оказалась здесь в редакции, соединившей редакцию Сильвестра 1116 г. и редакцию Мстислава 1118 г. В освещении событий конца XIII века и до 1305 г. отражено тверское великокняжеское летописание (Лихачев 1947: 430).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

В 1377 г. монах Лаврентий скопировал «ветшаную» рукопись великокняжеского свода начала XIV века в нижегородском Печерском монастыре.

- *Московско-Академическая летопись* (далее МАк).⁴⁰

Московско-Академическая летопись, доведенная до 1419 г., представляет собой компиляцию трех источников: текст от начала до 1206 г. восходит к общему с Радзивиловской летописью протографу, известия до 1238 г. переданы по Софийской I летописи старшей редакции, а статьи до 1415 г. включительно представляют собой фрагмент из сокращенного ростовского летописного свода (Шахматов 1938: 222-230).

Рукопись Московско-Академической летописи – оригинал, писанный в основном одним писцом, но в разных манерах.

- *Рогожский летописец* (далее РогЛ).⁴¹

Сложный по составу летописный памятник начала XV века, текст которого до 1288 г. представляет собой небольшую по объему компиляцию, основанную, как считает Лурье (1976: 36), на Новгородской IV летописи. Во второй части РогЛ помещена тверская летопись. Конец РогЛ отражает переработку свода 1408 г., произведенную в Твери в 1412 г. (Приселков 1996: 202).

- *Московский летописный свод 1479/80 года* (далее МЛС).⁴²

Московский летописный свод, созданный в Москве в 80-е гг. XV века, рассматривается здесь в редакции, доведенной до 1492 г., представленной Уваровским списком начала XVI века.

В основе МЛС лежит ‘особая обработка’ свода 1448 г. (Лурье 1976: 157). Наряду с этим были использованы ростовский свод начала XV века, что и в МАк, и новгородский свод, близкий к Новгородской I летописи младшего извода и Новгородской IV летописи (Лурье 1976: 162-163). В заключительной части, с 1472 г. и до конца, использованы документальные материалы посольской канцелярии (итинерарии, записи переговоров, указы боярам, разрядные записи).

- *Летописный свод 1497 года* (далее свод 1497 г.).⁴³

Представляет собой компиляцию общерусских событий на основе Ростовского владычного свода в редакциях Трифона (до 1417 г.) и Тихона (с 1468 г. по 1484 г.), а также Московского свода 1479 г. (с 1417 г. по 1477 г.). Место создания не известно, но не исключено, что данный свод создавался в Троице-Сергиевском монастыре (Насонов 1969: 373-374).

- *Софийская I летопись по списку Царского* (далее СПЛЦ).⁴⁴

Список Царского представляет собой оригинал свода, в основании которого лежат младшая редакция Софийской I летописи, Сокращенный свод 1493 г. и великокняжеское летописание, доведенное до 1508 г. СПЛЦ редактировалась дважды: второй этап правки был связан с созданием Воскресенской летописи. Текст списка Царского был сверен с Московским сводом конца XV века, Ростовским сводом 1489 г. и разрядными записями (Клосс 1984: 37).

- *Уваровская летопись* (далее УЛ).⁴⁵

Представляет собой одну из редакций Летописного свода 1518 г. По составу близка к своду 1497 г. и к своду 1518 г. митрополита Геронтия. До 1484 г. Уваровская летопись восходит к своду 1484 г., представляющему собой компиляцию общерусских событий на основе Ростовского владычного свода в редакциях Трифона и Тихона и Московского свода 1479 г. (с 1417 г. по 1477 г.). Уваровская летопись (т.е. протограф ее двух списков) была составлена между 1525 г. и началом 30-х гг. того же столетия (Насонов 1969: 376).

- *Воскресенская летопись* (далее ВЛ).⁴⁶

Крупнейший, после Никоновской летописи, памятник московского летописания XVI века дошел до нас в большом количестве списков, ни один из которых не содержит полного текста. Все списки можно разделить на два разряда: списки, доводящие летописание до середины XV века, и списки, разделенные на две половины, где повествование первой доведено до 1347 г., а вторая сообщает об известиях 1347 – 1541 гг.

Время составления летописи определяется 1541 г. Шахматов считал, что в основание летописи был положен МАС 1479 г., систематически сближенный с Софийской I летописью по списку Царского (Лихачев 1947: 474). Современные исследователи склоняются к мысли, что при составлении ВЛ была использована и Тихановская редакция Ростовского свода 1489 г. (Левина 1989: 41-42).

4.8.4.2 Новгородские летописи

Новгородское летописание представляет собой довольно длительную традицию, не прерываемую татаро-монгольским нашествием. Составление летописи велось, с одной стороны, при церкви Якова в Неревском конце Новгорода, а с другой – при владычном дворе Новгородского архиепископа, и придерживалось общерусской традиции, заложенной еще летописанием в Киеве.

В нашем распоряжении находятся памятники, охватывающие период времени от начала XIV века до второй половины XV века, период большого авторитета Новгорода и его активного влияния на общерусские дела, когда новгородское летописание перерастает узко местнические рамки, стремясь дать новгородскую точку зрения на всю русскую историю. При Евфимии II в 30-х годах XV века создается в Новгороде летописный свод, легший в основу всего дальнейшего русского летописания. И хотя свод этот в своем первоначальном виде не сохранился, его состав и характер восстанавливаются на основании двух позднейших летописей – Новгородской IV и Софийской I (Лихачев 1947: 312).

После присоединения Новгорода к Москве в конце XV века общеновгородское летописание угасает, сохраняясь лишь по монастырям и отдельным церквям.

Таким образом, мы рассматриваем следующие летописные источники:

- *Новгородская I летопись старшего и младшего изводов* (далее НПЛ ст./мл.).⁴⁷ Древнейший памятник новгородского летописания. Старшая летопись представлена Синодальным списком конца XIII – XIV веков,⁴⁸ а младшая

сохранилась в списках середины XV века.

В основании протографа Синодального списка лежит летопись Германа Вояты, соединенная с Софийским владычным сводом (Лихачев 1947: 443). Синодальный список дефектен, в нем утрачены первые 16 тетрадей, повествование охватывает период с 1016 по 1333 г., приписки сделаны разными почерками и доводят изложение до 1352 г.

В основе Новгородской I летописи младшего извода лежат Новгородско-Софийский свод и протограф Синодального списка (Лихачев 1947: 444). Текст НПЛ мл. (по Комиссионному и Академическому спискам) близок Синодальному списку, но начинается с 854 г. и продолжает повествование до 30-40-х гг. XV века (Творогов 1996: 105).

■ *Новгородская II летопись* (далее НВЛ).⁴⁹

Представляет собой памятник новгородского летописания XVI века. Текст можно разделить на две части. В основе первой части положены НПЛ мл., Лисицкий летописец XV века и другие новгородские летописи (Зиборов 1989: 51), доводящие летописание до XVI века. Вторая часть включает в себя оригинальные записи новгородских событий.

НВЛ состоит из летописных отрывков без соблюдения хронологической последовательности, дошла до нас в двух списках. Мы опираемся на Архивский список конца XVI – начала XVII века.

■ *Новгородская IV летопись* (далее НЧЛ).⁵⁰

НЧЛ создавалась в 30-е годы XV века при новгородском епископе Евфимии II и известна в двух редакциях, отличающихся друг от друга главным образом своим окончанием. В основании ее лежат так называемая Новгородская Карамзинская летопись (возможный протограф НЧЛ), распадающаяся на свод 1411 г. и Лисицкий летописец, и НПЛ мл. В меньшей степени были привлечены Софийская I летопись (общерусский источник) и Летописец Матфея Михайлова Кусова, доведенный до 1421 г. (Бобров 1999: 123, 126, 132).

НЧЛ явилась основным источником при составлении Новгородской летописи по списку Дубровского, представляющей собой новгородский

свод 1539 г., созданный по велению архиепископа Макария. Текст списка Дубровского в основном совпадает с НЧЛ, но содержит некоторые оригинальные статьи (Лурье 1976: 190).

4.8.4.3 Псковские летописи

Летописное дело зарождается в Пскове в XIII веке, а в XIV веке оно принимает регулярный характер. Центром псковского летописания на протяжении всего XIV века являлся Троицкий собор, руководили летописанием выборные вечевые власти, в частности посадники. Псковская летопись XIII – XIV веков носит по преимуществу деловой, местный характер. В центре внимания летописца стоит описание сражений с Ливонским орденом, ссор с Новгородом, поставления князей и посадников, строительства церквей, голода, неурожая и моровых поветрий.

В XV веке записи становятся подробнее, приобретая постепенно общерусский характер. Первые, реально дошедшие до нас псковские своды датируются второй половиной XV века. В них вместо «Повести временных лет» даются местные псковские события, открывающиеся Повестью о Довмонте, и новгородские известия, подчерпнутые из Новгородско-Софийского свода.

Самая ранняя версия Псковской I летописи представляет собой свод 1469 г., который постепенно дополнялся и расширялся, а Псковская III летопись являет собой свод 1567 г., доведенный затем до середины XVII века. После присоединения Пскова к Москве в 1510 г. летописная работа при Троицком соборе прекращается.

В XVI веке образуются две ветви псковского летописания. Псковская I и III летописи, отражая монастырское летописание, очень разнятся по тональности. Если в своде 1547 г. (третья редакция Псковской I летописи) отчетливо чувствуются промосковские настроения, то свод 1567 г. резко враждебен власти великого князя Московского. Псковская II летопись представляет собой посадское летописание и имеет явно промосковскую ориентацию в интерпретации событий общерусской и местной истории.

Таким образом, сохранившиеся летописи представляют собой историю двухвекового летописания в Псковской земле:

▪ *Псковская I летопись* (далее ППЛ).⁵¹

Создание летописи относится к середине XV века и основывается на местных известиях не дошедшего Псковского летописного свода, и событиях, описанных в Новгородско-Софийском своде, Новгородской V летописи и смоленско-литовском источнике.

ППЛ знает несколько редакций: свод, доведенный до 1469 г. (Тихановский список), до 1481 г. (Архивский I список) и до 1547 г. (списки Погдинский и Оболенского). Составление свода, доходящего до 1547 г., ученые связывают с именем старца Филофея из Елеазарова монастыря (Творогов 1996: 106-107).

▪ *Псковская II летопись* (далее ПВЛ).⁵²

ПВЛ дошла до нас в единственном (Синодальном) списке конца XV века и восходит к общему с ППЛ протографу, коим, вероятнее всего, был свод 1481 г. Инициатива составления свода 1486 г. (ПВЛ) принадлежала, как считают, псковскому посаднику Степану Максимовичу Дойниковичу (Творогов 1996: 107-108).

▪ *Псковская III летопись* (далее ПТЛ).⁵³

Данная летопись, представляющая собой свод 1567 г., сохранилась в оригинале (Строевский список), написанном игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием, позже казненным Иваном Грозным за оппозиционные настроения.

ПТЛ по 1481 г. включительно восходит к общему с ППЛ протографу, хотя текст передан здесь в более сокращенном виде. Основной текст доведен до 1556 г., остальные записи носят характер приписок (Охотникова 1989: 29).

4.9 Анализ материала: летописи Ростово-Суздальской Руси

4.9.1 Лаврентьевская летопись как памятник начала XIV века

Несмотря на то, что Лаврентьевская летопись⁵⁴ отражает более раннее состояние языка и лишь в небольшой степени захватывает интересующий нас период времени, анализ летописи помогает нам определить как бы отправной момент в дальнейшем развитии пространственных представлений у носителей языка и наметить тенденции и закономерности изменений концептуального осмысления пространства.

Важно подчеркнуть, что в ЛЛ мы сталкиваемся с большим разнообразием локумов, выбор предлогов у которых не отличается от современного.

1 Если мы обратимся к контейнерному типу концептуализации, то увидим, что сюда относятся категории, включающие вместилища или огороженные крепостными стенами, валом и т.д. участки поверхности:

■ [СТРОЕНИЕ] (изба/истобка, церковь, божница ‘церковь-склад’, мовница ‘баня’, поварница ‘кухня’, темница ‘тюрьма’, шатер, вежа ‘полатка, шатер’):

(191) ... тако обувшеса в теплѣ избѣ... (ЛЛ, 228)

(192) ... мывъса въ мовници и вспотивъса. (ЛЛ, 176)

(193) ... и по заутрени идаше в поварьницю... (ЛЛ, 195)

(194) ... внесоша и в божницю... (ЛЛ, 369)

(195а) ... они же не пустачи в вежѣ срѣгоша ихъ... (ЛЛ, 397)

Только однажды *вежа* встречается с предлогом НА. Ср.:

(195б) ... и стояша на вежа(х) 3 дни... (ЛЛ, 397)

Употребление предлога НА, можно объяснить тем фактом, что здесь, возможно, подразумеваются не столько сами постройки, сколько лагерь с разбитыми в нем палатками/шатрами и огороженный от неприятеля повозками, т.е. некоторый ограниченный участок пространства с рассеянными на нем объектами, с которыми человек вступает во взаимодействие.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

- [ПОМЕЩЕНИЕ] (полата, келья, храмина, клеть, притвор, погреб):

(196) ... и бра(т)я несоша в кѣлью и положиша на одрѣ... (ЛЛ, 187)

(197) ... и емлюще метахуть и в погребѣ... (ЛЛ, 309)

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (город-кремль, монастырь, детинец 'крепость', стан, товары⁵⁵ 'лагерь'):

(198) ... Новгородци же затворишася в городѣ съ княземъ Романомъ... (ЛЛ, 361)

(199) ... приде в монастырь ту и оумоли игумена того... (ЛЛ, 156)

(200) ... повелѣша люде(м) всѣмъ бѣжати изъ острога в дѣтинецѣ. (ЛЛ, 338)

(201) ... то все ведоша в станы своѣ... (ЛЛ, 462)

(202) ... и принесоша и лѣ жива в товары. (ЛЛ, 390)

К контейнерному типу относятся категории, объединяющие участки пространства с четко обозначенными горизонтальными границами:

- [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] представлено политико-административными единицами различного статуса (страна, волость, область, город, село, погост, конец 'район'):

(203) ... аще ли оубѣжавше в Русь придуть... (ЛЛ, 48)

(204) Стополкъ же бѣжа в Лахы... (ЛЛ, 142)

(205) ... а в чюжеи волости не сѣди... (ЛЛ, 237)

(206) ... в Ростовѣстѣи области встаста два волъхва [...] и поидоста по Волзѣ кдѣ приду(т) в погостѣ туже нарицаху... (ЛЛ, 175)

(207) ... а в село его ѣхавъ иметь жену его... (ЛЛ, 277)

(208) ... и отвориша ему Кыяне *ворота* Подольская в Копыревѣ конци... (ЛЛ, 417)

В (208) идея замкнутости эксплицитно выражена в контексте: ворота замыкают район города (*конци*).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Новой по сравнению с материалом грамот является категория:

- [НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА] (солнце, луна):

(209) В се же лѣто [бысть] знамение в снѣщи... (ЛЛ, 214)

(210) ... и в лунѣ бы(с) знаменье... (ЛЛ, 292)

Интересно, что в современном языке эти концепты мыслятся прежде всего как ограниченные плоскости с профилированием контакта, в то время как раньше фокус носителя языка был направлен на границы.

- [ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ + СУША] (лукоморье):

(211) ... матвою избави его о(т) смѣрти якоже и пре(ж) в лунѣ моря... (ЛЛ, 360)

2 В категории поверхностного концептуального типа входят локумы, которые, во-первых, представляют собой ограниченные участки поверхности:

- [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (дорога, берег, исад⁵⁶):

(212) Глѣбу же оубъену бывшю и повержену на брезѣ... (ЛЛ, 137)

(213) ... снемши(м)са имъ всѣ(м) на Исалѣ(х) на порадѣ... (ЛЛ, 440)

- [ПЛОЩАДКА] (сени):

(214) ... они же рѣша ему стоять на сѣнех... (ЛЛ, 259)

(215) ... оузрѣша Игорѣ на сѣнех и *разбиша сѣни о нем и сомчаша и с сѣнии*... (ЛЛ, 318)

Как становится понятным из летописного текста, первоначально *сени* представляли собой не помещение в доме, а своего рода помост или крыльцо, соединяющие различные части дома, где князь или епископ принимали посольства, гостей, просителей и т.д. Поэтому употребление предлога НА в данном случае вполне логично. Виноградов же хочет видеть здесь разновидности одного значения: “строение и сооружение, дающее тень, находящееся перед домом как служащее домом” (Виноградов 1999: 636).

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

Во-вторых, здесь выделяются обусловленные ландшафтом участки поверхности как гомогенного, так и гетерогенного типа, объединенные в категории:

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (нива, поле, болонья 'луг'):

(216) ... и бывшимъ имъ на мѣстѣ оу села на Нѣжатиѣ нивѣ... (ЛЛ, 201)

(217) ... и ста на болоньи и с товары за огороды... (ЛЛ, 322)

- [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река, озеро, устье):

(218) ... и ста Стополкъ в градѣ в Ляхове на Бугу... (ЛЛ, 269)

(219) ... князю Мстиславу на оустыи с малою дружиною... (ЛЛ, 364)

(220) ... и побѣдиша я за Плесково(м) на озерѣ... (ЛЛ, 470)

Как и в документальной письменности, названия гидронимов здесь никак не влияли на осмысление самого локума. Заметим, что в топонимике наблюдается в этом смысле иная ситуация.

В-третьих, участки поверхности, обустроенные людьми, относятся к категории:

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (торговище, селище):

(221) ... и створиша вѣче на торговици ... (ЛЛ, 170)

3 Заметим сразу, что вариативность в выборе предлогов В и НА в ЛЛ крайне ограничена.

- Только *двор* и *лес* достаточно регулярно сочетаются с обоими предлогами:

(222а) ... *въшедь* въ дворѣ теремныи отень... (ЛЛ, 78)

(222б) Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь внѣ града... (ЛЛ, 56)

(223а) ... оутаившеса на заоутрие *ѣхаша* в лѣсь глубоку... (ЛЛ, 451)⁵⁷

(223б) ... и шедше биша Литву на лѣсь... (ЛЛ, 483)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Идея замкнутости объекта в (222а) эксплицитно выражается корреляцией предлога и глагольной приставки (явление сингармонизма): приставка *в-* у глаголов движения возможна только в том случае, если локум мыслится как закрытое помещение или замкнутое пространство с вертикальными границами.

4 Как и в памятниках документальной письменности, концепт >ГОРОД< в своих конкретных реализациях крайне разнороден. Здесь выявляются следующие закономерности:

■ Иностранные города и подавляющее большинство русских городов (причем как мужского, так и женского рода), таких как *Владимир, Галич, Киев, Коломна, Ладога, Муром, Новгород, Переяславль, Ростов, Рязань, Смоленск, Углич(е Поле)*, сочетаются исключительно с предлогом В:

(224) И нача княжити Володимиръ въ Кисѣѣ единь... (ЛЛ, 79)

(225) ... он же оставивъ брата Стополка в Полотъскѣ и приде в Переяславль... (ЛЛ, 302)

(226) ... а братью свою Игоря и Стослава *затвори в Рязани*... (ЛЛ, 388)

(227) ... и везоша и въ Угличе поле... (ЛЛ, 472)

Интересно, что в документальной письменности *Рязань* последовательно употребляется с предлогом НА, а в ЛЛ – с В, что возможно объясняется здесь эксплицитным выражением идеи ограниченности пространства городскими стенами (глагол *затворити*).

■ Не только *Белоозеро* или *Москва*, но и города мужского рода (*Волок, Городец, Ярославль*) последовательно употребляются с предлогом НА:

(228) ... а Изяславъ оста на Волоцѣ... (ЛЛ, 302)

(229) ... заложилъ цркъвь камену и монастырь стго Спса Преображенья на Ярославли. (ЛЛ, 439)

Хотя здесь и возможно некоторое колебание в выборе предлога. Так, *Москва* и *Белоозеро* встречаются один раз с предлогом В, а *Любеч* с НА:

- (230) ... а другии Синеоушь на Бѣлѣозерѣ [...] в Новѣгородѣ Словѣне
 [...] в Бѣлѣозерѣ Весь, в Муромѣ Мурома... (ЛЛ, 20)
 (231a) ... и приведѣ на Москву... (ЛЛ, 486)
 (231б) ... ѣха в Москву... (ЛЛ, 437)
 (232) ... и розбѣгошасѣ Ростиславѣ на Любечѣ... (ЛЛ, 343)

Отметим, что употребление предлога В при *Москва* в летописях – явление крайне редкое.

- У городов *Торжок* и *Тверь* отмечаются постоянные колебания в выборе предлогов. И если *Тверь* их сохраняет до конца записей, то за *Торжком* в поздних записях (конца XIII – начала XIV века) закрепляется исключительно предлог В, т.е. отмечены те же процессы, что и в деловой письменности новгородского происхождения этого же периода:

- (233а) ... он же сѣдѣ на Торжку почѣ воевати Волгу... (ЛЛ, 388)
 (233б) Тое же зимы Андръѣи приде из Новагорода в Торжекѣ. (ЛЛ, 483)
 (234а) Тое же зимы Ц(с)рь Тотарскийи приде въ Тфѣрьѣ... (ЛЛ, 483)
 (234б) ... оженисѣ Михаило кнзѣ на Тфѣри... (ЛЛ, 484)

4.9.2 Летописные памятники начала XV века

1 При параллельном анализе двух памятников, относящихся к самому началу XV века, Рогожского летописца и Московско-Академической летописи, можно отметить крайне незначительное расширение набора локумов по сравнению с ЛЛ. К уже рассмотренным локумам контейнерного типа добавим:

[СТРОЕНИЕ] (храм);

[ПОМЕЩЕНИЕ] (гридница⁵⁸):

- (235) ... понеже умножися множество мертвыхъ [...] и въ домѣхъ мертвые, и во храмѣхъ... (РогЛ, 77)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(236) ... а ины(х) въ гридницу... (МАк, 500)

Особое положение занимает локум *торг*, который употребляется здесь с предлогом В, что согласуется с данными документальной письменности этого же периода, хотя и представляет некоторый участок поверхности, обустроенный людьми и должен был бы входить в категорию [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ];

(237) ... заложилша церковь [...] коупци заморстии въ Торгу. (РогЛ, 21)

2 В Рогожском летописце отмечены новые по отношению к ЛЛ локумы, представляющие собой малые участки пространства, обустроенные человеком, и входящие в категории поверхностного типа:

[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (площадь);

[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (улица, мост):

(238) Тако же въ городѣ на площади [...] многое множество погорѣло... (РогЛ, 102)

(239) ... оу города оу Волока стоящу ему на мосту... (РогЛ, 94)

3 Расширяется состав городов, которые употребляются исключительно с предлогом НА. К таким городам, как *Волок, Москва, Городец, Белоозеро* можно добавить *Вологда, Коломна, Кострома, Луки, Углич, Устюг, Чухлома*:

РогЛ	МАк
(240) ... биша Новгородци Литву <u>на Лукахъ</u> ... (42)	(243) ... и сѣде Дмитрии <u>на Оуглѣче полѣ</u> ... (526)
(241) Тое же зимы отъ великаго князя [...] <u>на Вологдаѣ</u> изнимаша боярина... (83)	(244) ... сѣде <u>на Костромѣ</u> кнзь Ивань... (527)
(242) ... и бысть князю великому свадьба <u>на Коломнѣ</u> ... (83)	(245) ... Тарасии вл(д)ка еха <u>на Оустюгъ</u> ... (527)

Интересно, что *Коломна* и *Угличе Поле* употреблялись в ЛЛ только с В.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

4 О некоторых других конкретных реализациях концепта > ГОРОД< можно сказать следующее:

- *Торжок* употребляется в РогЛ только с В, а в МАк соотношение В и НА > 2 : 1. Ср.:

РогЛ	МАк
(246) ... поставиша <u>въ Торжку</u> церковь камену... (80)	(247а) ... а на Ярослава не бѣ <u>въ</u> вѣсти <u>в Торжку</u> ... (492)
	(247б) ... и послаша <u>на Торжекъ</u> къ Ярославу о миру... (492)

- *Рязань* встречается в МАк так же, как и в ЛЛ, с предлогом В, а в РогЛ два употребления с В приходится шесть с НА, причем в поздних записях:

РогЛ	МАк
(248а) ... Алексии митрополить постави Василья епископомъ <u>въ Рязань</u> . (64)	(249) ... избѣ <u>в Рязани</u> бра(т)ю свою... (502)
(248б) ... болшии бояре [...] отъехаша <u>на Рязань</u> ... (65)	

5 *Лес, двор* и *Тверь* сохраняют и здесь постоянную вариативность в употреблении предлогов В и НА. К ним можно присоединить *Русь*, которая в ЛЛ еще последовательно сочеталась с предлогом В:

РогЛ	МАк
(250а) ... прииде <u>въ Роусь</u> митрополить Костянтинъ Гръчинъ. (21)	(251а) ... и о(т)пустиша <u>в Русь</u> . (513)
(250б) ... прииде <u>на Роусь</u> митрополить Никита. (20)	(251б) ... прииде изъ Црѣграда <u>на Ру(с)</u> пресѣенныи Киприянь митрополи(т)... (536)

Причем в МАк доминирует предлог В (соотношение В и НА > 3 : 1), а в

РогЛ – уже НА (соотношение В и НА ➤ 7 : 28).

6 У некоторых локумов в летописях отмечается спорадическая вариативность в употреблении предлогов В и НА.

- Такие города, как *Городец, Киев, Смоленск, Ярославль*, начинают спорадически употребляться с предлогом, им ранее не свойственным:

РогЛ	МАк
(252) ... прииде [...] митрополитъ на Русь изо Царяграда, не <u>на Кieveвъ</u> , но на Москву... (154)	(254) ... выиде [...] Фотѣи [...] изъ Црѣграда <u>на Кieveвъ</u> , и прииде на Москву... (539)
(253) ... сѣде князь [...] <u>на Смоленьскѣ</u> ... (176)	(255) ... моръ бы(с) на Костромѣ и <u>въ Ярославлѣ</u> ... (533)

Вместо *в Киве, в Смоленске, на Ярославле*.

- *Улица* в РогЛ и *остров* в МАк, несмотря на употребительность НА, встречаются по одному разу с предлогом В:

(256) ... и свершиша церковь камену [...] въ Славнѣ оулицѣ. (РогЛ, 86)

(257) ... и о(т)ступиша въ остров далече... (МАк, 510)

Предлог В при *остров* (пример (257)) логичен, поскольку в данном контексте подчеркивается идея глубины и обширности внутреннего пространства локума (см. *далече*).

Таким образом, по сравнению с Лаврентьевской летописью начала XIV века, в летописях начала XV века можно отметить некоторое расширение набора локальных объектов и незначительное возрастание случаев спорадической вариативности в употреблении предлогов В и НА при различных локумах.

4.9.3 Летописные памятники последней четверти XV века

В данном разделе мы обратимся к анализу Московского летописного свода конца XV века и свода 1497 г. Оба они отражают наряду с предшествующим летописанием события, им современные, что для нас очень важно.

1 Для данных сводов характерно не столько расширение набора локальных концептов и пространственных категорий – большинство локальных концептов мы уже встречали в предыдущих летописях – сколько возрастание частотности их употребления, что делает статистические выводы более убедительными и показательными. Впервые нами отмечен здесь только *пригород*, участок обжитого пространства, относящийся к категории [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ], в то время как в документальной письменности он относился к [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО]:

(258) ... приѣха князь [...] в Новгород на пригороды... (МЛС, 171)

2 К городам, традиционно сочетающимся с предлогом НА, добавим *Вятку* и *Каргополь*:

МЛС	свод 1497 г.
(259) ... и иде с Москвы <u>на Вятку</u> сь княгиню [...] и пребысть <u>на Вяткѣ</u> 5 мѣсяць... (232)	(260) ... и ту взем с собою матеръ великого князя [...] побѣжа <u>на Каргополе</u> . (109)

3 У целого ряда пространственных объектов отмечаются колебания в употреблении предлогов В и НА.

▪ Особенно характерна вариативность для локума *Русь*, где практически половина всех случаев приходится на предлог НА:

МЛС	свод 1497 г.
(261) А князь [...] поиде изъ Орды <u>в Русь</u> [...] и прииде здравъ <u>на Русь</u> . (181)	(262а) Бысть меженина <u>в Руси</u> велика. (69)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(2626) ... дабы не было вѣсти на Русь. (83)

- Несмотря на то, что идея закрытости пространства и нахождения внутри высоких стен превалирует, *монастырь*, например, встречается с В и НА в обеих летописях:

МЛС	свод 1497 г.
(263а) ... и посла <u>в монастырь</u> на Выдобич... (37)	(264) ... и съиде с митрополии в кѣлию <u>на Симанов монастырь</u>
(263б) ... скоро поиде <u>на манаырь</u> къ церкви... (265)	и оттолѣ к Троицѣ, в <u>Сергиев монастырь</u> . (159)

- Конкретные реализации концепта > СТРАНА< также начинают спорадически употребляться с предложом НА:

МЛС	свод 1497 г.
(265) ... послалъ князь великы посла [...] <u>на Литву</u> . (332)	(266) Князь же великий <u>на Нѣмцы</u> отпусти воеводу своего... (148)

4 В некоторых случаях колебания прослеживаются не столько в рамках одного свода, сколько при сопоставлении двух источников. Это касается, например, локума *посад*, который в своде 1497 г. сочетается с обоими предложениями, а в МЛС только с НА:

МЛС	свод 1497 г.
(267) ... бысть пожаръ на Москвѣ <u>на посадѣ</u> ... (218)	(268) Митрополит же <u>вишед в посаде</u> града того и поиде к соборной церкви [...], бѣ же церковь та <u>на посаде</u> оу езера... (96)

В примере (268) употребление обоих предлогов вполне оправдано. Предлог В в сочетании с глагольной приставкой *в-* (глагол *вишед*) подчеркивает идею вхождения в пределы локума, пересечения некой границы, в то вре-

мя как НА далее по тексту указывает на нахождение некоторого объекта (*церкви*) на поверхности локума.

- *Торг* в МЛС последовательно употребляется с В, а в своде 1497 г. – с НА:

МЛС	свод 1497 г.
(269) ... повелѣ его привести <u>в торгъ</u> в таковѣи укоризнѣ. (163)	(270) Потом повелѣ Кавгадыи в той оукоризнѣ <u>на торг</u> привести его... (66)

Сопоставление сходных контекстов, в которых выявляются различия в употреблении предлогов, наглядно показывает, что использование одного и того же фактического материала вело не к слепому переписыванию, а к сознательному осмыслению и передаче содержания в соответствии с собственным пониманием текста, когнитивными представлениями и языковой компетенцией составителя.

5 При сопоставлении Московских сводов конца XV века с летописными памятниками предшествующего периода можно отметить, с одной стороны, те же самые тенденции в выборе предлогов при некоторых городах:

- Так, *Торжок* в своде 1497 г. употребляется исключительно с предлогом В, а в МЛС соотношение В и НА ➤ 32 : 2.

- *Рязань* и *Тверь* сохраняют и здесь сильные колебания в выборе В и НА:

МЛС	свод 1497 г.
(271а) ... и иде с Торъжку <u>во Тферь</u> ... (111)	(272а) ... <u>в Рязань</u> послаша послом жену чародѣицу... (53)
(271б) ... и везоша тѣло его <u>на Тферь</u> ... (150)	(272б) Преподобныи игумен Сергии тѣдил <u>на Рязань</u> ... (85)

С другой стороны, можно выделить и некоторые особенности, ранее нами не встреченные:

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

- *Ярославль*, например, постепенно переходит в группу городов, которые предпочтительно употребляются с предлогом В. Если в МЛС оба предлога встречаются по два раза, то в своде 1497 г. предлог В доминирует (соотношение В и НА > 8 : 2).
- Увеличивается набор городов со спорадическими колебаниями в выборе предлога. Так, при традиционных *в Киев, на Коломне, в Новгород, в Русу, на Луках* мы встречаем:

МЛС	свод 1497 г.
(273) ... постави Изяславъ митрополитом <u>на Кыевь</u> Клима Смолятича... (39)	(275) Посла князь [...] <u>на Новьгород</u> сына Святослава... (45)
(274) ... и пришед из Володимиря сѣде <u>в Коломнѣ</u> ... (93)	(276) ... и отпусти князя [...] <u>на Русу</u> . (113)
	(277) ... и, пришедше, стапа <u>в Луках</u> ... (149)

И если для большинства городов такие случаи еще единичны, то *Киев* довольно активно начинает сочетаться с предлогом НА: в МЛС мы находим 5 случаев с НА, а в своде 1497 г. – 6.

Заметим, что в своде 1497 г. мы видим вообще большую свободу в выборе предлогов при конкретных реализациях концепта > ГОРОД<.

4.8.4 Летописи начала XVI века

Уваровская летопись и Софийская I летопись по списку Царского относятся к самому началу XVI века. При совпадении основных тенденций, которые мы отметили в московских летописных сводах конца XV века, здесь, безусловно, находят свое отражение и некоторые особенности.

1 В поздних записях УЛ, начиная со второй половины XV века, мы встречаем всего несколько локумов поверхностного типа, ранее не отмеченных:

(278) ... и, пришед, ста на мысѣ оу святого Ипатиа... (УЛ, 267)

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

(279) ... и прииде к ним вѣсть, что Татаровѣ [...] имава на оукраинѣ много полону... (УЛ, 341)

2 В УЛ и СПЛЦ расширяется группа объектов со спорадической вариативностью В и НА, хотя их набор и не всегда совпадает в обеих летописях.

▪ Конкретные реализации концептов > ОБЛАСТЬ< и > СТРАНА< могут встретиться с обоими предлогами:

УЛ	СПЛЦ
(280а) ... и бѣжа Изяслав из града <u>в Дяхы</u> . (177)	(281а) ... Александръ выгна сына своего изо Пьскова и посла <u>в Низь</u> ... (86)
(280б) Ярославецъ же бѣжа <u>на Дяхи</u> . (178)	(281б) ... а сам поиде <u>на Низ</u> ... (95)

Однако *Русь* в УЛ встречается только с предлогом В. Ср.:

(282) Бысть един властелин в Руси Ярополк. (УЛ, 171)

▪ *Торг* употребляется с обоими предлогами только в УЛ:

(283а) И потом повелѣ Кавгадыи в той оукоризнѣ на торг привѣсти его... (УЛ, 226)

(283б) ... а сами ссѣдоша с конь в торгоу близ бо бѣ... (УЛ, 226)

В СПЛЦ сохраняется предлог В.

▪ *Монастырь, устье* и *остров* встречаются с обоими предлогами исключительно в СПЛЦ. Например:

(284) ... сию же икону [...] износить ю въ всякой вторник на монастырь... (СПЛЦ, 69)

(285а) Да не имѣють власти роусь зимовати во оустѣи Днѣпра... (СПЛЦ, 17)

(285б) ... и поставиша городъ [...] на оустѣ Невы, на Орѣховомъ островѣ. (СПЛЦ, 104)

(285в) ... а Магнушь тогда былъ в Березове островѣ съ всею силою своею... (СПЛЦ, 109)

В УЛ в этих случаях возможен только предлог НА.

- *Бор* и *конец* спорадически употребляются в УЛ с НА:

(286) И яко быша на бороу нача восклоняти святоую главу... (УЛ, 40)

(287) ... а горѣло оттоуду по берегу до Воздвижения на Востром конци... (УЛ, 303)

Интересно, что в грамотках новгородского происхождения *бор* тоже сочетался с предлогом НА.

3 В употреблении предлогов при городах можно отметить те же тенденции, что и в московских летописных сводах конца XV века. Колебания касаются скорее количественных показателей:

- *Белоозеро*, *Вологда*, *Вятка*, *Волоколамск*, *Москва*, *Плес*, *Углич*, *Чухлома* употребляются с предлогом НА;
- *Рязань* и *Тверь* сохраняют и здесь высокую вариативность на протяжении всех записей;
- *Торжок* встречается с предлогом В только в УЛ, а в СПЛЦ возможны колебания;
- *Ярославль* же, напротив, употребляется с В только в СПЛЦ, сохраняя вариативность в УЛ. Интересно, что в памятниках документальной письменности *Ярославль* впервые появляется в источниках середины XV века и только с предлогом В.

Спорадические колебания в употреблении предлогов можно отметить у большой группы городов, однако их частотность различна. Так, *Киев*, *Луки*, *Новгород*, *Псков*, *Торжок* или *Устюг* встречаются в довольно значительном количестве контекстов, а *Кашин*, *Колывань*, *Кременец*, *Пермь* или *Тмутарокань* – не более трех-пяти раз. Хотя вариативность предлогов не всегда имеет

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

свои параллели в обеих летописях, здесь, как нам кажется, важен сам факт ее наличия.

В ниже приведенной таблице показано соотношение случаев обратного, по сравнению с традиционным, употребления предлогов при некоторых городах:

УЛ	нетрадиционный предлог	СПАЦ	нетрадиционный предлог
Кашин	НА – 1	Киев	НА – 2
Киев	НА – 11	Кременец	НА – 1
Кременец	НА – 2	Пермь	НА – 1
Кольвань	НА – 1	Псков	НА – 1
Коломна	В – 1	Торжок	НА – 4
Луки	В – 2	Устюг	В – 1
Новгород	НА – 2		
Тмуторокань	НА – 1		
Ярославль	НА – 3		
Устюг	В – 1		

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что вариативность в употреблении предлогов была характерна для летописных памятников начала XV – начала XVI века. С расширением самого набора локумов возрастает и спорадическая вариативность, охватывающая все большее количество пространственных объектов.

4.9.5 Воскресенская летопись – середина XVI века

Воскресенская летопись отличается от других источников не столько разнообразием материала, сколько объемом и частотностью употреблений.

1 К новым, по сравнению с предыдущими летописными источниками, локумам контейнерного типа добавим:

[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (пятина);

[ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (дуброва):

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(288) ... въ области Великого Новагорода, въ Обонѣжской пятинѣ... (ВЛ, т. 8, 48)

(289) И ту убиень бысть князь великий [...] отъ нѣкоего Ляха въ дубровѣ... (ВЛ, т. 8, 51)

2 К участкам поверхности, обусловленным ландшафтом (категория [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ]), относятся *гати* и *подол* 'низина':

(290) ... а Витофтъ съ своею силою пришедъ ста на Пашковѣ гати... (ВЛ, т. 8, 78)

(291) ... бѣ же церковь та на посадѣ на подолѣ у езера... (ВЛ, т. 8, 93)

3 Спорадическая вариативность в употреблении предлогов сохраняется и затрагивает все большее количество пространственных объектов. Конкретные реализации концептов > СТРАНА<, > ОБЛАСТЬ< и > ГОРОД< встречаются с обоими предлогами:

(292a) ... да с нимъ вмѣстѣ послалъ въ Крымѣ къ царю Мингирѣю посла... (ВЛ, т. 8, 227)

(292б) ... а послѣ его сѣлъ на царствѣ въ Крымѣ сынъ его болшей... (ВЛ, т. 8, 259)

(292в) ... а чхалъ на Крымѣ же [...] что ученился царемъ на Крымѣ. (ВЛ, т. 8, 281)

(293a) ... приде къ великому князю в Паозерие къ Троици владыка... (ВЛ, т. 8, 191)

(293б) ... поиде изъ града к себе на Паозерие... (ВЛ, т. 8, 198)

(294a) ... Яналѣя царя на царство в Казани посадили... (ВЛ, т. 8, 277)

(294б) ... тому ли быть царю на Казани, или иного государь царя пожалуетъ на Казань пошлетъ? (ВЛ, т. 8, 275)

(295) ... и отгуду чха на Городокѣ, да на Глѣблѣ, да на Хороборѣ, да на Юропескѣ; ту же во Юропескѣ чти ю Ярославъ... (ВЛ, т. 7, 69-70)

- Вариативность отмечается не только внутри одного списка, но и между списками, что само по себе симптоматично, поскольку указывает на то, что при переписывании происходило не слепое копирование текста, а активное вчитывание и переосмысление. Так, в Воскресенском списке читаем:

(296) Ярославецъ же бѣжа въ Ляхы... (ВЛ, т. 7, 17),

а в Карамзинском и Архивном списках встречается *на Ляхи*.

В Алатырском списке нами отмечено 3 раза *во Твери* там, где в остальных списках читается *на Твери*.⁵⁹ В Парижском и Синодальном списках встречается:

(297) ... и положень бысть въ Твери... (ВЛ, т. 8, 75),

а в Карамзинском в этом же месте стоит *на Твери*.

4 За некоторыми локумами окончательно закрепляется определенный предлог.

- Так, города *Торжок* и *Ярославль* употребляются уже исключительно с В.
- *Русь* к середине XVI века (и это хорошо видно на материале списков, составляющих вторую часть ВЛ) осмысляется скорее как некое этно-геополитическое пространство с размытыми границами, а не как отдельное государство, поэтому становится превалирующим употребление предлога НА:

(298) ... и многъ мятежь въздвиже въ ордѣ и на Руси приходомъ своимъ.
(ВЛ, т. 8, 65)

- Изменение формы и назначения локума *сени* – из открытого помоста, соединяющего различные домашние постройки, на котором во время приемов сидел князь со своим окружением, становится частью строения – отразилось и на закреплении предлога В:

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(299a) ... не учюти же никто отъ спящихъ въ сѣнехъ тѣхъ огня...
(ВЛ, т. 7, 181)

(299б) ... но стояше священникъ съ причастиемъ въ сѣнехъ ожидая.
(ВЛ, т. 8, 110)

4.9.6 Итоги

1 Итак, мы проанализировали восемь летописных памятников, созданных на территории Ростово-Суздальской Руси и относящихся по времени их создания к началу XIV – середине XVI века.

Основной набор локумов задается уже Лаврентьевской летописью. Его расширение связано с постепенным усложнением и наращиванием объема повествования, в которое вовлекаются ранее не упоминавшиеся реалии бытовой и социально-политической жизни древнерусского человека.

В ниже приведенной таблице дан обзор всех локумов, выделенных в ходе анализа летописных текстов Ростово-Суздальской Руси. Каждая последующая летопись дополняет, а не повторяет, материал предыдущей.

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории
ЛЛ	<p>[СТРОЕНИЕ] изба, вежа, церковь, шатер, мовница, поварница, темница</p> <p>[ПОМЕЩЕНИЕ] полата, келья, храмина, клеть, притвор, погреб</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] детинец, стан/товар, монастырь</p> <p>[ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ+СУША] лукоморье</p> <p>[ПРИРОДНО-ГЕОГРАФ. ПРО-ВО] лес, бор</p>	<p>[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] дорога, берег, исад</p> <p>[ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] река, озеро, устье</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛАНДШАФТ] луг/болоня, поле, нива</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] селище, торговище</p> <p>[ПЛОЩАДКА] сени</p> <p>[ГОРОДА] Белоозеро, Волок, Городец, Москва, Ярославль</p>

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории
ЛЛ	[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] страны (Русь, Татары, Угры), волость, область, город, село, погост, конец [НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА] солнце, луна [ГОРОДА] Вышгород, Галич, Киев, Коломна, Новгород, Переяславль, Рязань, Смоленск, Углич	
РогЛ	[СТРОЕНИЕ] храм [ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] торг [ГОРОДА] Торжок	[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] улица, мост [ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] площадь [ГОРОДА] Вологда, Коломна, Кострома, Луки, Чухлома
МАк	[ПОМЕЩЕНИЕ] гридница [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] остров	[ГОРОДА] Углич, Устюг
МСЛ		[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] пригород, посад [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] остров [ГОРОДА] Вятка, Каргополь, Плес
свод 1497 г.		[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] торг
СПАЦ	[ГОРОДА] Ярославль	

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории
УЛ		[ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] мыс [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРО-ВО] украина
ВЛ	[ПОМЕЩЕНИЕ] сени [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] пятина [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФ. ПРО-ВО] дуброва	[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛАНДШАФТ] гать, подол

2 У небольшой группы локумов (*посад, пригород, луна, солнце*) и конкретных реализаций концепта > ГОРОД< (*Белоозеро, Вятка, Вологда, Волок, Коломна, Кострома, Луки, Москва, Углич, Устюг*) отмечено обратное употребление предлога по сравнению с современной нормой.⁶⁰

Некоторые локумы демонстрируют постепенную смену предлога, что связано или с изменением формы и назначения самого локума (*сени*), или с переосмыслением всего концепта (*Русь*), или со стремлением к некой унификации (*Ярославль, Торжок*).

3 Если в Лаврентьевской летописи вариативность в употреблении предлогов В и НА при пространственных объектах только намечается (*лес, двор, вежа*), то в летописных сводах конца XV – середины XVI века она становится уже неотъемлемой частью текста. Причем в орбиту колебаний втягивается все большее количество пространственных объектов, достигая в Воскресенской летописи своего максимума.

Постоянная вариативность встречается у достаточно ограниченного набора локумов (*лес, двор, Русь*) и у некоторых конкретных реализаций концепта > ГОРОД< (*Киев, Тверь, Рязань*). Она сохраняется практически во всех летописях. Спорадическая же вариативность в выборе предлога затрагивает гораздо более широкий набор пространственных объектов и напрямую

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

связана с интерпретацией конкретной ситуации носителем языка, с тем, на чем сфокусировано его внимание.

Данная таблица отражает случаи постоянной и спорадической вариативности, отмеченные в исследуемых летописях. Подчеркнем, что каждая последующая летопись лишь дополняет, а не повторяет, материал предыдущей.

летопись	вариативность	
	постоянная	спорадическая
ЛЛ	[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] двор [ГОРОДА] Тверь, Торжок	[СТРОЕНИЕ] вежа [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРО-ВО] лес [ГОРОДА] Белоозеро, Любеч, Москва
РогЛ	[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] Русь [ГОРОДА] Рязань	[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] улица [ГОРОДА] Городец, Киев, Смоленск
МАк		[ГОРОДА] Ярославль
МСЛ	[ГОРОДА] Киев, Ярославль	[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] монастырь [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] страны (Литва) [ГОРОДА] Коломна, Торжок

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

ЛЕТОПИСЬ	вариативность	
	постоянная	спорадическая
свод 1497 г.		[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] страны (Немцы) [ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] посад [ГОРОДА] Луки, Новгород
СПАЦ		[ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] остров [ВОДОЕМ+ТЕРРИТОРИЯ] устье [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] область [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРО-ВО] бор [ГОРОДА] Кременец, Пермь, Псков, Устюг
УЛ		[ГОРОДА] Кашин, Кольвань, Тмутарокань
ВА		[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] село, Крым, Поозерье [ГОРОДА] Брянск, Вышгород, Казань, Ростов, Суздаль, Чернигов

4.10 Анализ материала: новгородские летописи

4.10.1 Новгородская I летопись старшего извода

Новгородская I летопись старшего извода по Синодальному списку представляет собой один из старейших летописных памятников, поэтому, как нам представляется, должна отразить более древние представления носи-

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

телей языка (а в какой-то мере и новгородского диалекта) о пространственных категориях и локальных концептах.

1 Если мы обратимся к контейнерному типу концептуализации, то увидим сходную с ЛЛ, но более однообразную картину. Следующие локумы осмысляются либо как вместилища:

- [СТРОЕНИЕ] (дом, клеть, церковь, шатер):

(300) ... внидоша въ церковь святую Богородицю... (НПЛ ст., 75)

- [ПОМЕЩЕНИЕ] (полата, келья, притвор, погреб, гридница):

(301) ... вбѣгоша в святую Богородицю и затворишася в полатѣ. (НПЛ ст., 75)

(302) Ярослав [...] повеле въметати въ погребѣ, что есть новгородьць, а иныхъ въ гридницу... (НПЛ ст., 56),

либо как замкнутые поверхности с вертикальной проекцией:

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (монастырь, детинец/зверинец 'кремль'):

(303) ... срубиша 4 церкви: святыя Богородица в монастыри въ звѣринци... (НПЛ ст., 91),

либо как пространственные объекты с четкими горизонтальными границами:

- [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (страна с конкретными реализациями, вотчина, волость, погост):

(304) Того же лѣта в Литвѣ бысть мятежь... (НПЛ ст., 83)

(305) Въ то же лѣто придоша въ Русь пружи августа въ 28. (НПЛ ст., 19)

(306) И постиже я [...] на селищи въ Торопчѣской волости... (НПЛ ст., 73)

(307) ... а городъ учиниша в Копорѣ погостѣ. (НПЛ ст., 78)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

- [НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА] (солнце, луна):

(308) А на вечеръ бысть знамение в лунѣ... (НПЛ ст., 20)

(309) ... тма бысть въ солнци съ запада... (НПЛ ст., 74)

Здесь, как и в ростово-суздальских летописях, небесные тела мыслятся как участки поверхности с четко выраженными горизонтальными границами, в пределах которых что-то может находиться.

2 Категории поверхностного концептуального типа объединяют локумы, которые представляют собой либо ограниченные участки поверхности:

- [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (берег, исад, улица):

(310) ... воевали бо бяху около озера на исалѣхъ и Олоньсь... (НПЛ ст., 65)

(311) Постависта црковь [...] на Рогатеи улици. (НПЛ ст., 37)

- [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (остров):

(312) Въ то же лѣто въ Русе срубиша црковь на островѣ... (НПЛ ст., 40)

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (торговище, городище, селище):

(313) Въ то же лѣто срубиша црковь на городищи [...] и святыя
Пятыници на Търговищи... (НПЛ ст., 39)

(314) И постиже я на Дубровнѣ, на селищи... (НПЛ ст., 73),

либо гетерогенные объекты, состоящие из водного бассейна (в качестве ориентира) и прилегающей территории:

- [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река, озеро, устье):

(315) ... и придоша на рѣку на Оку, и ту ся скопиша вси вои... (НПЛ ст., 50)

(316) И яко быша на озѣре Серегери... (НПЛ ст., 44)

(317) ... и поставиша город на усть Невы... (НПЛ ст., 97)

3 Колебания в репрезентации, когда один и тот же локум мог интерпретироваться то как замкнутое пространство или пространство с вертикальной проекцией, то как открытая поверхность-опора, с которой объекты вступают во взаимодействие, в НПЛ ст. встречаются несколько чаще, чем в Лаврентьевской летописи.

- Как и в ЛЛ у локумов *двор* и *лес* возможна двойная интерпретация и, следовательно, колебания в выборе предлога:

(318а) И сотвориша вѣче [...] и поидоша на владыцьнѣ дворѣ...
(НПЛ ст., 67)

(318б) ... и начаша чинити пороки въ владычнѣ дворѣ. (НПЛ ст., 86)

(319) ... а сами побегоша на лѣсъ [...] нѣ тѣхъ Корѣла, кде обидучи, въ лѣсе ли, выводяче, избиша. (НПЛ ст., 65)

- У локума *улок* ([ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ]), характерного именно для новгородских документов, также возможны оба предлога, хотя В более типичен:

(320а) ... нѣ на другий день загореся въ Чыгловѣ улки... (НПЛ ст., 41)

(320б) Того же лѣта срубиса 4 церкви [...] и святого Дмитрия на Бояни улкѣ... (НПЛ ст., 91)

- Колебания в языковой репрезентации отмечены и у локума *город*, который, имея городские стены, кремль, вал, ров и т.д., представлял собой типичный случай огороженного пространства с вертикальными границами (предлог В):

(321) ... а сами затворишася въ градѣ... (НПЛ ст., 31)

Однако когда подчеркивалось нахождение чего-либо на участке поверхности, входившей в городскую черту, мог употребляться предлог НА, что совершенно не встречается в ростово-суздальском материале:

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(322) ... а въ Пльсковѣ почали бяху грабити недобрїи людїе села и дворы в городѣ и клѣти на городѣ... (НПЛ ст., 94)

■ Что же касается конкретных реализаций концепта >ГОРОД<, то здесь мы наблюдаем картину, во многом сходную с ростово-суздальским материалом:

- Иностранные и некоторые русские города (с названиями как мужского, так и женского рода), такие как *Галич, Ладога, Новгород, Переяславль, Печора, Руса, Смоленск* сочетаются исключительно с В:

(323) Иде боголюбивый архиепископ Нифонтъ въ Ладогу... (НПЛ ст., 29)

(324) Ярославъ бѣгъ въ Переяславль... (НПЛ ст., 56)

- *Белоозеро, (Великие) Луки, Волок, Городец, Москва, Ярославль* последовательно употребляются с предлогом НА:

(325) И посла князь [...] Якуница на Луки съ новгородци города ставить, а самъ [...] ис Торопца иде на Луки. (НПЛ ст., 52)

(326) ... и положень бысть на Городци... (НПЛ ст., 92)

(327) ... преставися митрополитъ Петръ всея Руси на Москвѣ... (НПЛ ст., 98)

(328) Князь же [...] выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль... (НПЛ ст., 75)

- У локумов *Торжок* и *Тверь* отмечаются постоянные колебания в употреблении предлогов на протяжении всех записей:

(329а) ... и оковавъ потоци и на Тъхвѣрь. (НПЛ ст., 53)

(329б) И не бы вести, кде Ярославъ, въ Торожку ли, въ Тъхвѣри ли. (НПЛ ст., 55)

(329в) И поиде въ борзѣхъ на Тържкѣ, и приде на вѣрбницу в Тържкѣ, и ради быша людѣе вси. (НПЛ ст., 68)

- *Псков*, который в более ранних ростово-суздальских источниках никогда не встречается с предлогом НА, в новгородских летописях спорадически

ки употребляется с нетрадиционным для него предлогом:

(330) ... а самъ седе на Плескове... (НПЛ ст., 40)

Итак, в НПЛ старшего извода набор локальных концептов более ограничен, чем в ЛЛ, однако вариативность в употреблении предлогов В и НА несколько выше и затрагивает большее число пространственных объектов.

4.10.2 Новгородская I летопись младшего извода и Новгородская IV летопись

Если же мы обратимся к анализу Новгородской I летописи младшего извода и Новгородской IV летописи, то увидим, что картина здесь несколько иная. Объединение этих двух летописей представляется нам оправданным, поскольку обе они были составлены приблизительно в одно время – в середине XV века. Таким образом, НПЛ по Комиссионному списку, при некоторой своей архаичности, и НЧЛ должны, хотя бы в общих чертах, отражать один и тот же этап в развитии представлений носителями языка о локальных концептах и пространстве в целом. Предположение наше подтверждается и конкретным материалом.

1 По сравнению с НПЛ старшего извода значительно расширяется набор локальных объектов, встречающихся в обоих памятниках. Значительно пополняются концептуальные категории контейнерного типа:

[СТРОЕНИЕ] (терем, мовница, вежа, костер ‘башня’);

[ПОМЕЩЕНИЕ] (храмина);

[ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (крепость, острог, станы);

[ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ + СУША] (лукоморье);

[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (околоток, конец):

НПЛ мл.	НЧЛ
(331) И завтра Олга, сѣдяци в <u>тереме</u> ... (111)	(334) ... а Немци в <u>костер</u> вбегоша... (278)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

- (332) ... богъ мывься в мовнищѣ... (193)
- (333) ... онъ же [...] нача призыватьи бѣсы въ храмину свою. (130)
- (335) ... но и тѣхъ Корѣла [...] в лѣсе ли, или на нивѣ, или въ вежахъ, выводяще, избипа ихъ... (204)
- (336) ... а иныхъ сведоша въ станы своя... (216)
- (337) ... идемъ в лоуки морьския... (173)
- (338) ... заложипа церковь каменну святаго Иакова в Неревскомъ конци. (203)
- (339) ... поновиша церковь [...] въ околоткѣ. (280)

В категории поверхностного типа входят:

[ПЛОЩАДКА] (сени 'помост');

[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (пригород, огород);

[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (нива);

[СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (гумно):

НПА мл.	НЧЛ
(340) ... яко положю руно <u>на гумнѣ</u> ... (147)	(342) Изяславъ же сѣде <u>на сѣнехъ</u> съ дружиною своею... (124)
(341) ... а хотя кто что вынеслъ или на поле, или <u>на огороды</u> ... (351)	(343) А в Новьгородъ приѣха князь Семионъ Олгердовичъ <u>на пригороды</u> ... (367)

2 И здесь такие локумы, как *город*, *двор* и *лес*, демонстрируют вариативность в употреблении предлога во всех источниках. К ним можно добавить:

- *Русь* и *Низ*, входящие в категории ([АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] и [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО]):

НПЛ мл.	НЧЛ
(344а) ... иде <u>в Русь</u> архиепископ новгородчкыи... (208)	(346а) ... и Батьи отпоусти его <u>на Роусь</u> съ честию. (229)
(344б) ... приѣха митрополить [...] <u>на Русь</u> из Рима... (426)	(346б) ... и здравъ отъ насилья поганыхъ выиде <u>в Русь</u> . (287)
(345а) ... а князь Александръ выгна сына своего изъ Пскова и посла <u>в Низь</u> ... (309)	(347а) Князь Александръ поиде <u>в Низь</u> ... (232)
(345б) Тогда же поиде князь <u>на Низь</u> ... (309)	(347б) ... а самъ поиде <u>на Низь</u> и [...] состоупися брату своему стола Дмитрею Новагорода. (245-246)

В НПЛ мл. только в самом конце записей впервые появляется предлог НА в сочетании с локумом *Русь*. В НЧЛ конкуренция двух вариантов присутствует на протяжении всего летописного текста, с постепенным сдвигом в сторону употребления предлога НА: в записях до 1246 г. *Русь* отмечена исключительно с предлогом В, после чего употребляется в основном с НА, и только в записях начала XV века опять появляется В. Такая смена предлогов объясняется, как нам кажется, эволюцией представлений о самом локуме *Русь*, о чем речь уже шла при анализе ростово-суздальского материала.

Те же колебания мы отмечаем и у локума *Низ* (древнее название Ростово-Суздальского края), где представления об этно-геополитическом пространстве без четких границ оказываются ведущими, что и определяет предпочтительный выбор предлога НА.

- *остров* ([ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ]):

НПЛ мл.	НЧЛ
(348а) ... и поставиша город [...] <u>на Орѣховомъ островѣ</u> ... (339)	(349а) ... соугнаша ихъ подь Моржомъ <u>на островѣ</u> ... (416)
	(349б) ... шедь, сяди жь <u>въ Божествѣ островѣ</u> ... (139)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(3486) ... а Магнушь тогда былъ в
Березовомъ островѣ со
всею своею силою. (359)

Интересно отметить, что страны, располагающиеся на островах, всегда сочетались с предлогом В, подчеркивающим замкнутость и «самость» локума.⁶¹ Например:

(350) ... иже въ Критѣ много пострада богови въ болезни... (НПЛ мл., 333),
в то время как в современном употреблении допустимы разные интерпретации.

▪ *Торг* в НПЛ мл., как более архаичной летописи, отмечен еще только с предлогом В, а в НЧЛ – уже с обоими предлогами. Эта же тенденция видна и на ростово-суздальском материале середины-конца XV века:

НПЛ мл.	НЧЛ
(351) А у святой Богородици в <u>Торгу</u> попь сгорѣ... (352)	(352а) ... сгорѣ <u>на Торгу</u> 12 церквей... (249)
	(352б) Срубиша 4 церкви: святыи Георгии <u>в Торгу</u> ... (252)

3 Отметим, что спорадическая вариативность в целом более характерна для НЧЛ. К уже отмеченным случаям добавим:

(353) ... отшедше далече на товаръ [...] а наѣхаша на товары без вѣсти,
Новгородци же побѣгоша съ вѣча въ товары, и поймавше оружие и
выбиша ихъ ис товаръ... (НЧЛ, 197)

4 Набор конкретных реализаций концепта >ГОРОД< значительно возрастает в новгородских летописях середины XV века.

▪ К городам с предлогом НА, которые мы выделили в НПЛ ст., добавим *Вологда, Вятка, Коломна, Кострома, Углич (Углече Поле), Устюг*:

НПЛ мл.	НЧЛ
(354) Князь же великыи [...] поиха <u>на Костромѹ</u> ... (378)	(356) А князь Иванъ Дмитреевичъ сѣде <u>на Костромѣ</u> ... (248)
(355) ... отступитися князю великому новгородчкои отцины [...] <u>на Ламьском Волокѣ</u> и <u>на Вологдѣ</u> ... (418)	(357) Сѣдѣ на княжени [...] Олександръ Костянтиновичъ <u>на Оуглѣче Полѣ</u> . (248)
	(358) И прииде <u>на Коломноу</u> ... (314)

▪ *Тверь* сохраняет постоянную вариативность в выборе предлогов В и НА, а *Торжок* демонстрирует постепенный сдвиг в сторону предпочтительного употребления В, хотя вариативность здесь еще полностью не исключена. Так, в НЧЛ соотношение употреблений обоих предлогов равное (12 : 12), но в *Торжок*/*Торжке* характерно прежде всего для более поздних записей. Можно утверждать, что уже с середины XIV века *Торжок* переходит в группу названий городов, употреблявшихся прежде всего, а потом и исключительно, с предлогом В. Данные выводы подтверждаются и материалом актовых грамот новгородского происхождения. Эта же тенденция прослеживается и в ростово-суздальских летописях:

НПЛ мл.	НЧЛ
(359а) И послаша новгородци къ Юрько <u>на Торжокѣ</u> два мужа... (268)	(360а) ... и приѣхавъ сѣде <u>на Торжку</u> ... (201)
(359б) Прииха Андрѣи князь <u>в Торжокѣ</u> и позва к собѣ Смена посадьника... (325)	(360б) ... и князь Василии дастъ емоу намѣстничество <u>в Торжку</u> ... (404)

▪ *Ярославль* в НПЛ мл., как в более архаичном тексте, встречается еще только с НА, а в НЧЛ – уже с обоими предлогами. Причем для ранних контекстов, как и в случае *Торжка*, характерен НА (1215 г.), а для поздних – только В:

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(361a) Заложу Костянтинъ Всеволодичъ церковь каменну святого Спаса на Ярославѣ. (НЧЛ, 85)

(361б) Сѣдѣ на княжени въ Ярославѣ Феодоръ князь... (НЧЛ, 248)

5 У целого ряда городов появляется спорадическая вариативность в выборе предлогов. Приведем случаи нетрадиционного употребления:

НПА мл.	НЧЛ
(362) И пустиша митрополита Кыеву [...] а <u>на Суждаль</u> идуще, не пустиша его... (208)	(365) ... и черници 4 оубиша и стоупиша <u>на Клинь</u> . (214)
(363) Арсении же съ Плесковици поѣхъ посрамленъ [...] из Волинъской земли <u>на Киевѣ</u> ... (264)	(366) Преставися <u>въ Волоцѣ</u> князь Дмитреи, в чернцехъ... (249)
(364) И оттолѣ поиха владыка <u>на Брянскѣ</u> и прииха в Торжокъ... (344)	(367) ... а князь Юрьи [...] бѣжа <u>на Рязань</u> . (379)
	(368) Тои зимы оумре Григорей, митрополитъ Литовский, <u>на Киевѣ</u> . (426)
	(369) ... егда збѣгошася <u>в Москву</u> ... (442)

Подобный тип вариативности гораздо ярче проявляется в НЧЛ. Так, *Волок* с нетрадиционным предлогом В зафиксирован всего один раз, *Киев* и *Рязань* с НА встречаются дважды. А *Москва* с нетрадиционным В отмечена 4 раза, что в принципе исключено в ростово-суздальских летописях, но достаточно регулярно встречается в актовой письменности.

6 Спорадическая вариативность возможна не только внутри одного списка, но и между списками. При сопоставлении параллельных пассажей в различных списках выявляются некоторые несоответствия в употреблении предлогов В и НА при таких локумах, как *двор*, *сени*, *Русь* и *Тверь*.

Так, в Строевском списке НЧЛ мы находим:

(370) ... Святослава посадиша на владычни дворѣ и с мужи его... (НЧЛ, 183),

хотя в этом же пассаже в Голицинском, Новороссийском и в списке Публичной библиотеки отмечен предлог В (*въ/во ... дворѣ*).

Другие примеры из Строевского списка:

(371а) ... заложена бысть церкви каменна съвятии Спасъ на Тфери... (НЧЛ, 246)

(371б) ... а Щелканъ хотя състи въ Тфери на княжении... (НЧЛ, 261),

в то время как в Новороссийском списке все наоборот: в первом случае *в Тфери*, а во втором – *на Тфери*, что достаточно обычно для данных контекстов.

Там, где в списках стоит *на Русь*, в Строевском читается:

(372) ... и здравъ отъ насилья поганыхъ выиде в Русь. (287)

В Академическом списке составитель написал *в сѣнехъ* там, где в других списках сохранена правильная интерпретация. Например, в Строевском:

(373) ... постави архиепископъ [...] церковь каменну [...] теплую оу себе на сѣнехъ (НЧЛ, 441)

Как мы выяснили, *сени* в прошлом представляли собой не закрытое помещение, а некий помост, соединяющий различные постройки. Поэтому на них, действительно, можно было соорудить небольшую церковь. Этому не понял или не учел переписчик Академического списка.

Таким образом, вариативность в выборе предлога в разных списках связана, как нам кажется, с различной интерпретацией пассажей и описанных в них ситуаций, а также с языковой компетенцией составителей и их знанием реалий прошлого.

4.10.3 Своеобразие Новгородской II летописи и списка Дубровского

При параллельном анализе НВЛ и списка Дубровского НЧЛ, составленных в середине XVI века, выявляется следующее:

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

1 Во-первых, появление новых локумов контейнерного типа характерно прежде всего для НВЛ:

[ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (сад);

[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (деревня, уезд, область):

(374) ... сбегоша в сад... (НВЛ, 150)

(375) ... в дерѣвни Княжцины згорело девять дворов [...] в тѣ поры в тои дѣревни кисель варили... (НВЛ, 174)

(376) ... в Хотинском уѣздѣ было дѣло князю... (НВЛ, 193)

(377) ... колоколь [...] яко такова величеством нѣсть [...] во всеи Новгородкомъ области... (НВЛ, 201)

В списке Дубровского мы встретили только локум *комната* (категория [ПОМЕЩЕНИЕ]), который не был отмечен в других летописях:

(378) И повелѣ ему внити въ комнату з дароношениемъ... (НЧЛ Дуб., 561)

К поверхностным категориям можно отнести:

[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (заполье);

[ПЛОЩАДКА] (крыльцо):

(379) ... горѣло в Новѣгороде за городом на Никитскомъ заполье... (НВЛ, 159)

(380) И понесоша его на крылцо... (НЧЛ Дуб., 564)

2 Во-вторых, у локумов *огород, погост, село, Поозерье* выявляются ранее для них не характерные случаи спорадической вариативности в употреблении предлогов В и НА:

НВЛ	НЧЛ Дубровского
(381a) ... дѣлали печи <u>в огородах</u> и по двором... (161)	(383a) ѿль князь великий у себе <u>на Паозерии</u> ... (515)
(381б) ... а кто вынесе или на поле или <u>на огороды</u> ... (178)	(383б) ... и прииде, ста у Троицы <u>въ Паозерии</u> . (515) ⁶³

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

- (382а) Да того же мѣсяца згорѣло на Пазерьи в погосте у Луки... (151)
- (382б) ... горило на погосте въ церкви Рожества пречистеи... (153)⁶²
- (384) Поѣде же князь велики къ Волоку на свое село на Озерецкое [...] и отгуду поеде во свое село Покровское... (553)

4.10.4 Итоги

1 В отличие от Лаврентьевской летописи, где встречаются все основные локальные концепты, в НПЛ старшего извода их набор довольно ограничен. Наиболее разнообразно представлены локумы в более поздней летописи НЧЛ.

В ниже приведенной таблице дан обзор всех концептов и их конкретных реализаций, которые мы выделили в ходе анализа новгородских летописных текстов. Заметим, что материал в таблице не повторяется.

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории
НПЛ ст.	<p>[СТРОЕНИЕ] церковь, шатер, темница</p> <p>[ПОМЕЩЕНИЕ] полата, келья, притвор, погреб, клеть, гридница</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] детинец, товар, монастырь</p> <p>[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] страны (Русь, Татары, Угры, Литва), волость, погост</p> <p>[НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА] солнце, луна</p> <p>[ГОРОДА] Галич, Киев, Ладога, Новгород, Псков, Переяславль, Печора, Руса, Смоленск</p>	<p>[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] берег, исад, улица</p> <p>[ВОДОЕМ+ТЕРРИТОРИЯ] река, озеро, устье</p> <p>[ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] остров</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] городище, селище, торговище</p> <p>[ПЛОЩАДКА] сени</p> <p>[ГОРОДА] Белоозеро, Волок, Городец, Луки, Москва, Ярославль</p>

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории
НПА м.	<p>[СТРОЕНИЕ]</p> <p>терем, мовница</p> <p>[ПОМЕЩЕНИЕ]</p> <p>храмина</p> <p>[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО]</p> <p>страны (Болгары, Африка, Крит, Немцы)</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>торг</p> <p>[ГОРОДА]</p> <p>Владимир, Вышгород, Клин, Полоцк, Суздаль, Чернигов</p>	<p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>огород</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛАНДШАФТ]</p> <p>нива, поле</p> <p>[СООРУЖЕНИЕ+ТЕРРИТОРИЯ]</p> <p>гумно</p> <p>[ГОРОДА]</p> <p>Вологда, Кострома, Устюг</p>
НЧЛ	<p>[СТРОЕНИЕ]</p> <p>вежа, костер, тюрьма</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ]</p> <p>стан</p> <p>[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО]</p> <p>околоток, конец</p> <p>[ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ+СУША]</p> <p>лукоморье</p> <p>[ГОРОДА]</p> <p>Воронеж, Корсунь, Нижний Новгород</p>	<p>[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ]</p> <p>дорога</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>пригород</p> <p>[ГОРОДА]</p> <p>Вятка, Коломна, Углич</p>
НВА	<p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ]</p> <p>сад</p> <p>[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО]</p> <p>деревня, уезд, область</p>	<p>[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ]</p> <p>мост</p> <p>[ВОДОЕМ+ТЕРРИТОРИЯ]</p> <p>болото</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>площадь</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛАНДШАФТ]</p> <p>заполье</p>

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории
НЧЛ	[ПОМЕЩЕНИЕ]	[ПЛОЩАДКА]
Дубр.	комната [ГОРОДА] Ярославль	крыльцо

2 Только у небольшой группы объектов можно отметить явление обратного по сравнению с современной нормой употребления предлогов В и НА. Это касается, во-первых, городов, употреблявшихся раньше исключительно с предлогом НА, во-вторых, небесных тел, встречающихся с предлогом В и сохранявших его, если судить по поздним спискам летописей, по крайней мере до конца XVI века, а в-третьих, таких локумов, как *пригород, посад* и *сени*.

3 Другая группа локальных объектов демонстрирует значительные колебания в выборе предлогов, а следовательно, и в концептуализации. Сюда входят названия некоторых городов и природно-этнических областей, участки поверхности, обусловленные природным ландшафтом и деятельностью людей.

Данная таблица отражает случаи постоянной и спорадической вариативности, отмеченные в исследуемых летописях. Каждая последующая летопись в таблице дополняет, а не повторяет, материал предыдущей.

летопись	вариативность	
	постоянная	спорадическая
НПА ст.	[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] двор, улок [ГОРОДА] Тверь, Торжок	[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] город [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРО-ВО] лес [ГОРОДА] Псков

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Летопись	вариативность	
	постоянная	спорадическая
НПА ма.	[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] Русь [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] остров [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРО-ВО] Низ	[ГОРОДА] Брянск, Киев, Клин, Суждадь
НЧЛ	[ГОРОДА] Рязань, Ярославль	[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] товары [ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] торг [ГОРОДА] Волок, Москва
НВА		[ПОВЕРХНОСТЬ+ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] огород [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] погост
НЧЛ Дубр.		[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРО-ВО] село, Поозерье [ГОРОДА] Колывань, Новгород

4.11 Анализ материала: псковские летописи

4.11.1 Псковская I летопись первой редакции и Псковская II летопись

Старшие списки Псковской I летописи (Тихановский и Архивский 1) и Псковская II летопись, дошедшая до нас в единственном сохранившемся Синодальном списке, относятся приблизительно к одному и тому же времени – последней четверти XV века. Поэтому при анализе нам представляется целесообразным параллельное сопоставление данных летописных текстов.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

1 Набор локумов в более ранних псковских летописях довольно ограничен, но по набору контейнерных категорий они не отличаются от рассмотренных летописей ростово-суздальского и новгородского происхождения. Здесь мы также встречаем локумы, представляющие собой либо вместилища, либо огороженные участки поверхности с вертикальной проекцией, либо участки поверхности с горизонтальными границами:

- [СТРОЕНИЕ] (дом, церковь):

ППЛ п/р	ПВА
(385) ... и крестившимся людемъ и идоша <u>в домы</u> своя... (9)	(387) ... а <u>в домѣхъ</u> от воинъ мнози пленени быша... (57)
(386) ... дружина, крестися <u>въ церкви</u> в Корсунѣ градѣ. (8)	

- [ПОМЕЩЕНИЕ] (погреб):

(388) ... а инии в погребех потхопаша... (ПВЛ, 28)

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (город, монастырь, станы):

ППЛ п/р	ПВА
(389) ... да сего ради мнозѣ идяхоу <u>в монастыри</u> ... (21)	(391) И по том поставиша церковь <u>в женскомъ монастыри</u> ... (37)
(390) ... и сташа Нѣмцы <u>в станы</u> в Туховитичах... (30)	

- [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (страна и область (и их конкретные реализации), волость, погост, слобода, конец):

ППЛ п/р	ПВА
(392) ... и полоненых поставити <u>в Литвѣ</u> ... (37)	(396) ... заложилша новыи городок [...] <u>в Залесьи</u> ... (43)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

- (393) Заложѣша псковичи Новыи городокъ во Обозѣрии... (62)
- (394) ... много, рече, моих людѣи погыбло и коневъ въ вашей волости... (21)
- (395) ... в то же время ходѣша за Изборьско въ слободу ... (65)
- (397) Того же лѣта свершиша перковъ каменю [...] въ Опоцкомъ концѣ. (38)

- [НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА] (солнце, луна):

ППЛ п/р	ПВА
(398) ... по малѣ времени бысть знамение <u>в лунѣ</u> ... (4)	(399) Месяца септевриа [...] бысть знамение <u>въ солнци</u> ... (41)

- 2 В поверхностном концептуальном типе выделяются следующие категории:

- [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (берег):

ППЛ п/р	ПВА
(400) ... оу святаго Петра и Павла <u>на брезѣ</u> оудари на них... (4)	(401) И пребродившеся Двину рѣкоу, сташа <u>на брезѣ</u> ... (16)

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (городище, посад, кром 'кремль', крепость, торг):

ППЛ п/р	ПВА
(402) ... пожаръ бысть <u>на Запсковии</u> [...] <u>на посадѣ</u> за ровомъ... (35)	(404) А Немцы стояху около всего Пскова, ови <u>на Запсковьи</u> [...] а инии <u>на Завеличьи</u> ... (23)
(403) ... повелѣ Захарии посаднику наняти наймиты ставити костерь [...] <u>на Крему</u> ... (26)	(405) А самъ князь в Новѣгородѣ <u>на Городици</u> пожив... (45)
	(406) ... и державъ <u>на крѣпости</u> 4 месяца... (45)

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

Надо отметить, что в псковских летописях малое пространство с вертикальными границами, *крам* ‘кремль’ или *крепость*, видятся прежде всего как плоскости-опоры по типу *площади*, где подчеркиваются таким образом контакт с поверхностью или функциональное взаимодействие. С подобной интерпретацией локума *городок* мы уже сталкивались в памятниках документальной письменности.

Интересно, что локум *торг* в ППЛ употребляется прежде всего с предлогом В (с НА отмечен один раз), а в ПВА – исключительно с НА:

ППЛ п/р	ПВА
(407а) И два костра камена поставиша <u>в Торгоу</u> . (29)	(408) ... и оубиша <u>на Торгу</u> повара княжого Курву... (56)
(407б) ... заложена бысть церковь камена всемилостиваго Спаса <u>на Торгоу</u> . (42)	

- [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (стрелица⁶⁴ ‘коса’):

(409) ... а псковичи того же мѣста поставиша другии костерь в куть Крема на стрелицы... (ППЛ п/р, 26)

- [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река, озеро):

ППЛ п/р	ПВА
(410) ... поставиша новии городокъ <u>на рецѣ на Пивжи</u> ... (18)	(412) ... заложилша новии городок на мѣстѣ <u>на реке</u> над Ругодивом... (43)
(411) ... и псковский гости побиша <u>на озере, на Нещерде</u> ... (27)	(413) ... <u>на Камене озере</u> , бысть знамение... (40)

3 Поскольку частотность употреблений большинства локумов в летописных текстах достаточно низка, мы можем говорить лишь о спорадической вариативности в употреблении предлогов В и НА при *лес/ бор, двор, торг,*

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

остров, Русь, село, городок. Выявление каких-либо закономерностей затруднено:

ППЛ п/р	ПВЛ
(414) ... и обретоша в ноцѣ <u>на</u> <u>лесѣ</u> при пути тотарьскую рать... (37)	(418) ... и сташи шатры <u>на бороу</u> чистѣ... (16)
(415а) ... загорѣлося на Оусосѣ оу старой стенѣ <u>въ Бараусовѣ</u> <u>дворѣ</u> ... (72)	(419а) ... а инѣх Двина изверже 70 <u>на островъ Гоидов</u> , а инѣх <u>на</u> <u>прочая осьтровы</u> ... (17)
(415б) ... совершена бысть церковь камена [...] <u>на Красномѣ</u> <u>дворѣ</u> ... (73)	(419б) ... а двѣ насадѣ бѣжаша <u>въ</u> <u>инья островы</u> . (17)
(416а) ... пришелъ митрополит Гречанин Фотии <u>на Русь</u> на митрополию. (33)	(420а) И в то время бяше <u>в городке</u> князь Иванъ... (52)
(416б) ... и бысть драгость по всеи земли <u>в Руси</u> по три годы. (35)	(420б) ... и быша псковская сила <u>на</u> <u>городке</u> неделю. (53)
(417а) ... оубиша Нѣмцы [...] <u>на</u> <u>селе на Опочьнѣ</u> ... (18)	
(417б) Того же лѣта бысть знамение <u>в селѣ в Чирсках</u> ... (34)	

Так, *лес* с предлогом НА встречается только в ППЛ, а *бор* – в ПВЛ. *Село* в ППЛ употребительнее с В (соотношение В и НА $\gg 3 : 1$), а *городок* в ПВЛ – с НА (соотношение В и НА $\gg 1 : 3$). *Русь* с В в ПВЛ отмечена всего один раз, а в ППЛ по одному разу с обоими предлогами.

4 Что касается конкретных реализаций концепта >ГОРОД<, то здесь возникает следующая картина:

- Такие города, как *Витебск, Выборг, Вышгород, Изборск, Киев, Новгород, Полоцк, Псков, Рига, Ржев, Торжок, Юрьев*, употребляются с предлогом В:

ППЛ п/р	ПВА
(421) ... и бысть <u>въ Юрьевѣ</u> много дней... (23)	(423) ... бысть моръ золь на людех <u>въ Псковѣ</u> и <u>въ Изборскѣ</u> ... (25)
(422) ... послаша [...] посломъ в <u>Великии Новъгород</u> князя Григория... (25)	(424) А самъ в то время стоял съ всеми силами в <u>Торъжкоу</u> . (46) (425) Псковичи послаша посадника <u>Феодора Патрикиевича</u> [...] в <u>Ригоу</u> къ князю местеру... (47)

- *Белоозеро, Великие Луки, Москва* употребляются с НА:

ППЛ п/р	ПВА
(426) Поѣхъ князь Александръ из Пскова <u>на Москву</u> к великому князю. (35)	(427) ... а тогда бо быша <u>на Луках</u> <u>на Великих</u> ... (60)

- Однако у некоторых городов не исключены и спорадические колебания в употреблении предлогов. Это явление в целом более характерно для ПВА, где, например, *Псков* и *Новгород* могут встретиться с нетрадиционным предлогом НА. В ППЛ первой редакции только *Тверь* сочетается с обоими предлогами:

ППЛ п/р	ПВА
(428а) ... а самъ хотѣ съѣсти <u>во Твери</u> на княжение... (16)	(429) ... и приеха <u>на Псковѣ</u> и <u>на Новъгород</u> ... (55)
(428б) ... и побѣже из Москвы <u>на Тферь</u> ... (41)	

Таким образом, не все категории в одинаковой мере представлены в ППЛ первой редакции и ПВА. Вариативность в употреблении предлогов представлена довольно хорошо в ППЛ, а при городах – в ПВА, но носит скорее спорадический характер в силу ограниченного объема материала.

4.11.2 Псковская I летопись третьей редакции и Псковская III летопись

Сопоставляя третью редакцию Псковской I летописи (Погодинский список) и Псковскую III летопись, которые были составлены в середине XVI века, мы можем отметить некоторое расширение набора локумов, более характерное, однако, для ППЛ.

- 1 В категории контейнерного типа входят такие новые локумы, как:
 [СТРОЕНИЕ] (тюрьма);
 [ПОМЕЩЕНИЕ] (полата, гридня);
 [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (заулок);
 [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (губа):

ППЛ т/р	ПТЛ
(430) ... а восьмъ живы остася в <u>тюрьме</u> ни поены... (107)	(434) ... и в <u>Навѣрежкои гоубѣ</u> и много хоромовъ пожгли... (181)
(431) ... и бояр и купцов оувели в <u>полатоу</u> ... (93)	
(432) И посадники и бояре поидоша <u>въ гридню</u> ... (95)	
(433) ... а загорѣлося оу примостья <u>в заулке</u> ... (84)	

- 2 К поверхностным категориям относятся:
 [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (улица);
 [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (площадь, огород);
 [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (лут);
 [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (устье, губа⁶⁵);
 [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (гумно, подворье):

ППЛ т/р	ПТЛ
(435) Поставиша церковь каменоую [...] <u>на площади</u> ... (104)	(439) ... а <u>на уость</u> Сѣни стоали по обѣ стороны рѣки. (113)

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

- (436) Дроугую церковь поставиша [...] на Кузнецкой оулицы, на Яковлеве посадничи (80)
- (437) ... и яровой хлѣб на полех и на гоумнех изгнил... (109)
- (438) ... и сташа за Степаном святым на лугоу станом... (78)
- (440) ... и соустрѣкли на Печкои гоубѣ в озере... (220)
- (441) ... тако же и по станомъ и на подворьи во градѣ... (216)

2 Что касается спорадической вариативности в употреблении В и НА при некоторых локальных объектах, то здесь вырисовывается следующая картина:

- У локумов *двор* и *торг* колебания отмечены в обоих памятниках, хотя в ПТЛ употребительнее предлог НА: для *торг* соотношение В и НА > 1 : 4.

- У других локальных объектов, таких как *село*, *кремль* (*кремль*), *пригород* и *посад*, спорадическая вариативность в употреблении предлогов встречается только в ПТЛ. Например:

- (442а) Того же лѣта бысть знамение [...] в селѣ в Зряковичахъ... (ПТЛ, 141)
- (442б) ... гдѣ съиматися псковичемъ съ островичи, на князи селѣ на Изгояхъ. (ПТЛ, 93)
- (443а) ... единъ коуть города въ Крему... (ПТЛ, 127)
- (443б) Оурядиша стѣну каменую в городѣ на Кромю... (ПТЛ, 139)
- (444а) ... а былъ той моръ во Пскове и в пригородѣ и въ всей волости псковской... (ПТЛ, 161)
- (444б) ... а намѣстники княжий были толко на 7 пригородах псковских. (ПТЛ, 164)
- (445а) ... и тоутова вси сами в тѣх посадах и манастырех и стали... (ПТЛ, 213)
- (445б) ... а во всяком конци на позадѣ скуделници ископаше... (ПТЛ, 162)
- (446а) Тоя же зимы преставися в Литве [...] митрополить... (ПТЛ, 192)

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

(446б) ... а инии поѣхали на Литвоу. (ПТЛ, 211)

При этом *село* и *Литва* употребительнее с предлогом В, а у остальных предпочтительным остается НА.

- Sporadическая вариативность в употреблении В и НА у конкретных реализаций концепта >ГОРОД< гораздо лучше представлена в ПТЛ. В ППЛ третьей редакции речь может идти о единичных случаях. Причем все примеры обратного по сравнению с традиционным употреблением относятся к записям последней четверти XV – первой половины XVI века:

ППЛ т/р	ПТЛ
(447) ... а товар из учанов вывезоша <u>на Юрьев</u> ... (85)	(452) ... хотяшоу ему сѣсти <u>во</u> <u>Тфери</u> на княжении... (90)
(448) А владыка в то время не бысть <u>на Новегороде</u> ... (93)	(453) Тоя же осени преставися князь Семеонъ Киевский <u>на</u> <u>Киевъ</u> ... (173)
(449) ... и посади намѣстником <u>на</u> <u>Пскове</u> ... (96)	(454) ... а товаръ их <u>на Рыге</u> таки оставив... (217)
(450) ... и выидоша всѣ богом сохранены <u>на Смоленскъ</u> ... (100)	(455) ... а <u>на Колыване</u> на рожъ на бочку 3 бочки [соли] давали... (230)
(451) Тоя зимы ходиша Тотарове [...] в Галице, и в <u>Вологдѣ</u> ... (108)	(456) ... а иных на Косторому, а иныхъ в <u>Углицѣ</u> ... (248)

В ниже приведенной таблице отражены количественные показатели случаев обратного, по сравнению с традиционным, употребления предлогов при городах:

ППЛ т/р	нетрадиционный предлог	ПТЛ	нетрадиционный предлог
Вологда	В – 1	Астрахань	НА – 2
Ивангород	НА – 1	Казань	НА – 2
Новгород	НА – 4	Киев	НА – 2

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

Псков	НА – 3	Кольвань	НА – 1
Смоленск	НА – 1	Москва	В – 1
Юрьев	НА – 1	Новгород	НА – 3
		Псков	НА – 1
		Рига	НА – 1
		Тверь	В – 1
		Углич	В – 1

4.11.3 Итоги

Поздний характер летописных памятников Псковской земли и их преимущественная ориентация на фиксацию локальных событий определяют набор и своеобразие концептуализации локумов, отраженных в данных летописях.

Категория [ПОМЕЩЕНИЕ], например, практически полностью отсутствует в летописях, а [СТРОЕНИЕ] ограничивается наиболее базовыми концептами. Зато довольно хорошо представлены категории [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] и [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ]. Набор локальных концептов расширяется в наиболее поздней Псковской III летописи. Конкретные реализации таких концептов, как >СТРАНА< и >ГОРОД<, также немногочисленны. С подобным явлением мы уже сталкивались при анализе новгородского летописания.

Редкая встречаемость большинства пространственных объектов не позволяет нам сделать каких-либо выводов по поводу постоянной вариативности в употреблении предлогов В и НА. Здесь речь может идти скорее о спорадических колебаниях. Заметим все же, что случаи вариативного употребления предлогов В и НА при локумах чаще встречаются в Псковской III летописи, памятнике второй половины XVI века. В более ранних летописях они сведены к единичным фиксациям. Однако сам факт их наличия свидетельствует в пользу того, что вариативность являлась нормальным явлением в псковских источниках.

В ниже приведенной таблице дан обзор всех концептов и их конкретных реализаций, а также случаев спорадической вариативности, выделен-

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

ных в ходе анализа псковских летописей. Каждая последующая летопись дополняет, а не повторяет, материал предыдущей.

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории	спорадическая вариативность
ППА п/р	<p>[СТРОЕНИЕ]</p> <p>дом, церковь</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ]</p> <p>монастырь, стан</p> <p>[АДМИН. ПРО-ВО]</p> <p>страны (Русь, Литва, Татары), области (Обозерье), волость, город, слобода</p> <p>[НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА]</p> <p>солнце, луна</p> <p>[ГОРОДА]</p> <p>Новгород, Псков, Юрьев</p>	<p>[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ]</p> <p>берег</p> <p>[ВОДОЕМ+ТЕРРИТОРИЯ]</p> <p>река, озеро</p> <p>[ВОЗВ. ПОВЕРХНОСТЬ]</p> <p>стрелица</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>крем, посад</p> <p>[ГОРОДА]</p> <p>Белоозеро, Луки, Москва</p>	<p>[ПРИРОДНО-ГЕОГРАФ. ПРО-ВО]</p> <p>лес</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>двор, торг</p> <p>[АДМИН. ПРО-ВО]</p> <p>Русь, село</p> <p>[ГОРОДА]</p> <p>Тверь</p>
ППА т/р	<p>[СТРОЕНИЕ]</p> <p>тюрьма</p> <p>[ПОМЕЩЕНИЕ]</p> <p>полата, гридня</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ]</p> <p>заулок</p>	<p>[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ]</p> <p>улица</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>площадь, огород, гумно</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ ЛАНДШАФТ]</p> <p>лут</p>	<p>[ГОРОДА]</p> <p>Вологда, Ивангород, Новгород, Псков, Смоленск, Юрьев</p>
ПВА	<p>[ПОМЕЩЕНИЕ]</p> <p>погреб</p> <p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ]</p> <p>монастырь</p>	<p>[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ]</p> <p>городище, крепость, торг</p>	<p>[ПРИРОДНО-ГЕОГРАФ. ПРО-ВО]</p> <p>бор</p> <p>[ВОЗВ. ПОВЕРХНОСТЬ]</p> <p>остров</p>

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

летопись	контейнерные категории	поверхностные категории	спорадическая вариативность
ПВА	[АДМИН. ПРО-ВО] область (Залесье), конец [ГОРОДА] Изборск, Рига, Торжок		[ПОВЕРХНОСТЬ+ ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] городок
ПТА	[АДМИН. ПРО-ВО] губа	[ВОДОЕМ+ТЕРРИТОРИЯ] устье, губа [ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] подворье	[ПОВЕРХНОСТЬ+ЛЮДИ] пригород, посад [ПОВЕРХНОСТЬ+ ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] кром [АДМИН. ПРО-ВО] село, страны (Литва) [ГОРОДА] Астрахань, Казань, Киев, Кольвань, Москва, Рига, Тверь, Углич

4.12 Общие выводы

Итак, нами проанализированы три ветви русского летописания: ростово-суздальские и новгородские памятники, относящиеся к XIV – XVI векам, и псковские летописи XV – XVI веков.

1 Следующие категории входят в контейнерный тип:

[СТРОЕНИЕ] (изба, храм, терем, церковь, мовница, поварница, вежа);

[ПОМЕЩЕНИЕ] (полата, келья, храмина, клеть, притвор, погреб);

[ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (город, кремль, монастырь, стан(ы)/
товары, острог, заулок, сад);

[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (страна, волость, область, уезд,
город, село, деревня, погост, пятиня, конец);

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

[ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (лес, бор, дубрава);
[НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА] (солнце, луна).

2 К поверхностному типу концептуализации можно отнести:

[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (дорога, берег, исад, улица);

[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (городище, торг(овище), селище, площадь, посад, пригород);

[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (болонья/луг, поле/заполье, нива, гать, подол);

[ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (остров, мыс);

[ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река, озеро, устье);

[СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (подворье, гумно);

[ПЛОЩАДКА] (крыльцо).

3 В новгородских и псковских памятниках мы сталкиваемся с некоторым своеобразием по отношению к ростово-суздальским:

- Так, если в старшей Лаврентьевской летописи задается весь основной набор пространственных объектов, то старшие новгородская и псковская летописи как раз бедны ими. Наибольшее разнообразие локумов мы встречаем в позднейших Новгородской IV и Псковской III летописях.
- В северных памятниках отмечены локумы или специфические наименования, не характерные для ростово-суздальского материала (*городок, крам, детинец, зверинец, костер, стрелица, улок, околоток*).
- Некоторые локумы осмысляются по сравнению с ростово-суздальскими летописями совершенно иначе. Так, малые участки пространства с вертикальными границами видятся скорее как поверхности, чем как вместилища (*крам, крепость*).

4 Если мы сравним пространственную концептуальную систему анализируемого периода так, как она вырисовывается при анализе летописей, с со-

временной, то увидим, что в общих чертах они совпадают. Однако есть и различия:

- категория [НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА] перешла в поверхностный тип;
- все без исключения конкретные реализации концепта >ГОРОД< вошли в контейнерный тип;
- в языковой репрезентации отдельных локумов (*устье, пригород, посад, гор-док*) сменился доминантный признак, что привело к языковому переосмыслению всего объекта и смене предлога (НА ➤ В);
- у локума *Русь* изменился комплекс ассоциаций: от суверенного государства с четкими границами к некоей этнической области без определенных границ, что привело к переходу концепта >РУСЬ< из категории [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] в [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО];
- изменение реальной формы и назначения объекта *сени* (из помоста, открытого крыльца – в крытое помещение) привело к тому, что концепт >СЕНИ< вошел в контейнерную категорию [ПОМЕЩЕНИЕ].

5 В летописных памятниках, как и в памятниках документальной письменности, целесообразно разграничивать постоянную и спорадическую вариативность. Постоянная отмечена у ограниченного набора локумов (*лес, торг, двор, остров, монастырь, Русь*), и она достаточно константна. Спорадическую же вариативность предугадать невозможно. Можно утверждать, что колебания в выборе предлогов демонстрируют только те локумы, реальные формы которых не однозначны. В зависимости от того, на чем сфокусировано внимание – на объеме, границах или на внутренней плоскости-опоре – пространственный объект может интерпретироваться то как вместилище, то как участок поверхности.

При этом у некоторых локумов вариативность в употреблении предлогов постепенно уступает место однозначной закреплённости определенного предлога. У других же вариативность может сохраняться или даже возрастать. Все это указывает на процессы, идущие в языке в противоположных направлениях. С одной стороны, стабилизация и единообразие системы,

а с другой – ее расшатывание.

На выводы о наличии или отсутствии постоянной вариативности может влиять и ограниченность представленного материала. Так, например, в псковских летописях сложно говорить о постоянной вариативности в выборе предлогов по причине ограниченного набора локумов, сведенного зачастую к единичным употреблением.

6 Концепт > ГОРОД< знает в изучаемый период большое количество конкретных реализаций, которые можно разбить на четыре группы: для первой группы характерен исключительно предлог В, для другой – НА, для третьей группы свойственны колебания в употреблении обоих предлогов на протяжении всего анализируемого периода (*Тверь, Рязань*), а у локумов четвертой группы отмечена постепенная смена предлога: как правило, НА заменялся В (*Горжок, Ярославль*).

Все это свидетельствует в пользу того, что концепт > ГОРОД< в своих конкретных реализациях находился в анализируемый нами период в процессе активного становления. С одной стороны, можно отметить стабилизирующие тенденции: вариативность в употреблении предлогов сменяется закрепленностью конкретного предлога за определенным названием города. С другой стороны, нельзя не отметить дестабилизирующей тенденции, при которой возрастает вариативность в употреблении предлогов даже там, где она раньше не имела места. Именно благодаря высокой частотности и разнообразию названий городов мы можем с большей ясностью судить о процессах, которые, по всей видимости, должны были затронуть и другие локальные концепты, но которые лишь в незначительной степени отражены в летописях из-за низкой частотности.

7 Важно указать, что вариативность возрастает в более поздних летописных текстах. Так, например, для Лаврентьевской летописи или Синодального списка НПЛ характерны слабая вариативность и почти «современное» осмысление локальных концептов. В Воскресенской летописи или НЧЛ же явно возрастает прежде всего спорадическая вариативность в употребле-

нии предлогов, что свидетельствует в пользу уже высказанного нами предположения о том, что в этот период времени активно проходили процессы стабилизации и одновременного расшатывания пространственной концептуальной системы. Глядя на картину, представленную летописями, можно с некоторой долей осторожности утверждать, что или в более ранний период вариативность в выборе предлогов и в представлениях о локумах была менее характерна, или тексты отражают язык, не свойственный носителям русского языка того времени (в чем, однако, приходится усомниться).

8 Колебания в выборе предлога отмечаются не только внутри одного летописного текста, но и между различными списками летописи. Яркой иллюстрацией тому являются различные списки НЧЛ.

9 Тот факт, что в летописях, как и в деловой и бытовой письменности отмеченного периода, зафиксированы явления обратного и вариативного употребления В и НА при одних и тех же локумах, подкрепляет мнение исследователей о том, что основная стихия летописного текста была русской, поскольку для церковнославянского вариативность данных предлогов была не характерна и сводилась к случаям, известным во многих языках (*море, земля, поле, место*) (Павлова 1977: 174, 207).

4.13 Фиксация разговорной речи в словарях-разговорниках XVI – XVII веков

Наш анализ употребления предлогов В и НА при конкретных локумах был бы не полон, если бы мы не обратились к еще одной группе документов, в которых наилучшим образом отражена разговорная стихия русского языка, а значит и представления носителей языка о мире и пространстве. Речь идет о письменных фиксациях в немногочисленных словарях-разговорниках, составленных в первую очередь иностранцами и имеющих чисто практическую направленность. Эти разговорники интересны тем, что в них, несмотря на все ошибки, опечатки и погрешности, отражены прямые свидетельства живого разговорного языка, а не преломление его в частично

нормализованных трафаретах старорусской письменности (Ларин 2002: 5).

В данной главе мы обращаемся к двум важнейшим словарям-разговорникам, содержащим списки слов и выражений, а также отрывки бесед, относящиеся к русской разговорной стихии XVI – XVII веков.⁶⁶

4.13.1 Описание источников

- *Ein Rusch Boeck* (далее RB).⁶⁷

Анонимный словарь-разговорник «Ein Rusch Boeck» был составлен во второй половине XVI века (возможно, в 1568 г.) неизвестным автором, по всей видимости, немцем, о чем свидетельствует немецкая орфография и традиция при передаче русских слов. К моменту составления своего справочника автор знал русский язык достаточно хорошо: его словарь лишен серьезных погрешностей и описок.⁶⁸

Анализ русской части свидетельствует о том, что информанты были родом из северных и северо-западных областей: города, которые упоминаются в записях – Псков и Колывань (Fałowski 1994: 9-11).

- *Разговорник Тённиса Фенне* (далее Fenne).⁶⁹

Словарь-разговорник составлен к 1607 г. купцом Тённисом Фенне, выходцем из нижне-немецких земель, оказавшимся по делам службы в самом начале XVII века в Пскове. Разговорник Фенне являлся не только руководством по изучению русского языка того времени, но и знакомил с местной торговой терминологией, часто используемой идиоматикой и даже с некоторыми обычаями страны. В рукописи наряду со списками слов, различных выражений, пословиц и поговорок, а также наряду с письменными фиксациями спонтанной речи на различные темы,⁷⁰ даны и первые попытки рефлексии над грамматическими закономерностями русского языка, хотя они и носят спорадический характер (Успенский 1997: 499).

4.13.2 Анализ конкретного материала

По своему содержанию связанные тексты, носящие яркий разговорный характер, посвящены или мореплаванию, или купле-продаже, или монастырскому быту, поэтому интересующих нас случаев употребления простран-

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

ственных объектов в ситуациях ориентации и локализации здесь встречается крайне мало, и они однообразны.

1 Несмотря на всю ограниченность материала, можно отметить следующее:

- Такие локальные объекты, как *изба, дом, амбар, церковь, поварня, тюрьма, полата, город*, видятся как вместилища и употребляются с предлогом В:

RB	Fenne
(457) podi suda <u>w gisbu</u> (82)	(460) Батьке велѣл тебѣ <u>в избѹ</u>
(458) polno lubitli tebe tzto <u>w</u> mogem <u>Ambaru</u> Ino stanem torgowati (116)	прити. (146)
(459) <u>w kotorom gorode</u> (71)	(461) За всё ты <u>в блядий дому</u> (!) ⁷¹ ходишь, да рѣдко <u>в церкове</u> (!). (458)
	(462) Поди <u>в поварня</u> (!)... (168)
	(463) Яз тебе утяжу да <u>в тюрьмы</u> (!) тебе посажу. (188)
	(464) Нѣт ли ёго <u>в полату</u> (!)? (145)
	(465) <u>Во многих городах</u> яз бывал. (164)

- *Русь*, как гетерогенный локум, и *путь* и *улица*, соотносимые с полоской земли, сочетаются с предлогом НА:

RB	Fenne
(466) Estli twoi sapas wes <u>na Rusy</u> (71)	(467) Сустрѣкал тебе чѣловѣк <u>на</u> <u>пути</u> ? (165)
	(468) Видал ты вчерась королица(!) <u>на улицѣ</u> ? (461)

2 Спорадическая вариативность в употреблении предлогов В и НА, безусловно, встречается в каждом из разговорников, но ярче выявляется при сопоставлении двух источников.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

- Так, *лес* встречается в RB один раз с НА, а у Fenne – 3 раза и только с В. В RB *подворье* отмечено один раз с НА, а *торг* – 2 раза с В, в то время как в Fenne у этих локальных объектов возможны оба предлога:

RB	Fenne
(469) po Imali mnoho Ros-boynickow <u>na lese</u> (74)	(472) Я заблудил в <u>лѣсѣ</u> . (141)
(470) Vmene <u>na podwory</u> (120)	(473а) ... и ты приди ко мнѣ в <u>моѣ подворье</u> ... (234)
(471) Jas Idu <u>wtorg</u> da posmotrym Kack Iny ludy torgujut (104)	(473б) ... и ты <u>приѣзжай/вѣзжай на подворье</u> . (198)
	(474а) Я был <u>на торгу</u> до сочил/искал ёго да не нашёл. (154)
	(474б) Что ему <u>дѣла в торг</u> (!)? (154)

- Набор городов крайне ограничен. Колебания в выборе предлога встречаются только у *Кольвань* в RB:

RB	Fenne
(475) <u>Wo psckowe</u> (71)	(477) Пожалуй, дружке, [...] куды
(476а) <u>Na Kolywan</u> (113)	мнѣ <u>ѣхать в Рудоливѣ</u> (!). (167)
(476б) Ctzo mene tobe daty da Iswesti moi towar <u>w Kolywan</u> (113)	(478) Товар у меня в <u>Кольвань</u> пошёл... (291)

3 Таким образом, данные наблюдения, несмотря на всю ограниченность материала, не противоречат нашим выводам, основанным на анализе документальных и летописных источников.

- Следующие пространственные объекты видятся как закрытое, замкнутое пространство и употребляются, соответственно, с предлогом В: [СТРОЕНИЕ] (изба, дом, церковь, поварня, амбар, тюрьма); [ПОМЕЩЕНИЕ] (полата, клеть); [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (монастырь); [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (страна, город);

[ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (лес).

- Всего несколько локумов относятся к поверхностным категориям и употребляются с предлогом НА:
[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (путь, улица);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (торг);
[СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (подворье).
- Локум *Русь* последовательно сочетается с предлогом НА, что мы уже отмечали в поздних фиксациях документальных и летописных текстов.
- И здесь, как и в документах деловой и хроникальной письменности, встречаются случаи вариативного употребления обоих предлогов при одних и тех же локумах. Чувствительными к колебаниям в выборе предлога оказываются уже известные нам *торг*, *подворье* и *лес*. Однако вариативность выявляется скорее при сопоставлении источников. Так, в RB *подворье* употребляется только с НА, а *торг* – с В, в то время как у Фенне возможны колебания. *Лес* в RB встречается с НА, а у Фенне только с В.

Ограниченность случаев конкретного употребления не дает нам возможности говорить о явных примерах постоянной или спорадической вариативности. Важно, однако, подчеркнуть сам факт наличия колебаний в выборе предлога, зафиксированных в свидетельствах разговорного языка, что еще раз подтверждает наш вывод о том, что вариативность в употреблении предлогов была живым явлением как письменного, так и устного языка, а вариативность в интерпретации локумов была важным фактом когнитивного осмысления пространства.

4.14 Итоги главы: поиски объяснения проблемы вариативности

Итак, можно с уверенностью говорить о том, что пространственная концептуальная система русского языка так, как она восстанавливается по памятникам XIV – XVII веков, в некоторых своих звеньях несколько отличалась от современной.

Большинство локальных концептов, которые мы встретили в памятни-

ках анализируемого периода, до сих пор сохраняет первоначальную концептуализацию, что во многом определялось и определяется конкретными конфигурациями соответствующих локумов.

Для другой, крайне ограниченной группы локальных концептов была характерна некоторая эволюция в представлениях и плавный переход на каком-то этапе от одного концептуального типа к другому. Это прежде всего касается некоторых городов, территориально-административных единиц, построек и закрытых помещений.

В третьей группе отмечалась значительная вариативность в осмыслении и репрезентации конкретных локумов. Со временем, однако, она уступила место унифицированности, когда почти у каждого локального концепта выделился один или несколько когнитивных салиентных признаков, определивших в конечном счете четкую принадлежность его к тому или иному типу.

В четвертой группе с замкнутым набором локальных концептов сохраняется двойная концептуализация и в наши дни, хотя это явление, безусловно, периферийное.

Вариативность в осмыслении и репрезентации некоторых локумов объясняется, на наш взгляд, тем, что:

- Форма любого физического пространственного объекта включает в себя как представления об объеме или замкнутости, так и представления о поверхности или контакте. Все зависит от того, что попадает в фокус внимания наблюдателя: границы объема или внутренняя плоскость-опора, вертикальные или горизонтальные границы, сам локум или более широкое окружение. Изменение формы объекта или смена его назначения могут влиять и на осмысление всего пространственного объекта.
- В изучаемый период идея неизменной репрезентации локума в любых когнитивных условиях, вероятно, не являлась главенствующей в сознании носителя языка, что и вело к некоторой вариативности, когда объем и поверхность, границы и пространство внутри границ в равной мере оказывались релевантными в зависимости от локативной ситуации.

Концептуальная пространственная система обладала большей гибкостью и подвижностью, а говорящий – большей свободой выбора доминантного когнитивного признака, определяющего в конечном счете ментальную репрезентацию всего локума.

Все это указывает на то, что в языке в означенный нами период шли процессы в противоположных направлениях. С одной стороны, мы видим стремление к стабилизации и единообразию системы, а с другой – ее расшатывание.

Явления постоянной и спорадической вариативности, отмеченные во всех письменных источниках, относящихся к русской языковой стихии, и затрагивающие одни и те же локумы, указывают на то, что это было реальным фактом когнитивного осмысления пространства в период XIV – XVII веков. Однако говорить о динамике развития вариативности по письменным документам XIV – XV веков, с одной стороны, а с другой, XVI – XVII веков, было бы оправданным при условии количественной соразмерности источников. Данное условие отсутствует, поэтому мы можем констатировать только сам факт ее наличия.

Что же влияло на непосредственный, зачастую окказиональный, выбор доминантных признаков, а следовательно, и выбор конкретного предлога? Попытаемся реконструировать ход рассуждений носителя языка того времени.

1 На выбор контейнерного типа концептуализации и, соответственно, предлога В, пространственное значение которого с самого начала было связано с идеей нахождения в границах или внутри чего-либо, могли влиять, например, представления о том, что:

- всякий локум может быть помыслен как некая ограниченная в пространстве данность, в пределах которой возможно находиться. Поэтому к контейнерному типу могли относиться не только объекты с вертикальными границами, но и те, у которых профилировались лишь горизон-

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

тальные границы (*остров, солнце, луна*) или контакт с поверхностью (*торг, улица*):

(479) ... а в Соинѣ островѣ земля... (ГВНП, № 111, 1435 г.)

(480) ... в пустой улице [...] меня Марицу изнасивол... (ПДПВ, № 194, 1691-92 гг.)

или те, которые состояли из разрозненных элементов (*подворье, посад*):

(481) ... оспе осударь, пусти меня в своём подворьѣ ночёвать. (Генне, 147)

(482) ... и никакова изделья делать на собя во дворех, и в посадах, и в слободах не велели... (ЗАРГ, № 98, 1620 г.)

▪ у всякого конкретного физического локума можно помыслить трехмерность, глубину:

(483) ... и отступиша въ остров далече... (МАк, 510)

2 Выбор поверхностного типа концептуализации мог определяться представлениями о том, что всякий локум обладает некой поверхностью, с которой можно вступать в функциональный контакт. Это, в свою очередь, мотивировало употребление предлога НА, пространственное значение которого с самого начала было связано с идеей поверхностного контакта и опоры. Подобным образом осмыслялись не только те локумы, которые в сознании носителей языка всегда виделись как некий участок поверхности, но и те, которые изначально ассоциировались или позднее стали ассоциироваться с закрытыми пространствами-вместилищами. Причины тому могли быть, однако, разными:

▪ профилирование функционального контакта с внутренней поверхностью-опорой вне зависимости от конфигурации локума:

(484) Того же лѣта срубиша 4 церкви [...] и святого Дмитрия на Бояни улкѣ... (НПЛ ст., 91)

(485) ... а посадат на лесѣ на стари... (АСВР, № 158, 1483 г.)

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

(486) Да на монастыре четыре кельи, а живут в них нищие... (АФЗХ/2, № 347, 1569 г.)

(487) ... и бурова коня поставил на стоилѣ в селѣ... (ПДПВ, № 317, 16-- г.)

▪ представления о локальном объекте как своего рода сцене, на которой разыгрываются события:

(488) ... на котором городе или в каком присуде ни буди поймав... (ПРП, 1646 г.)

(489) ... и табѣ б велет их кормит на сенех каторые едят на сенех с ними вместе... (ИРНЯ, № 73, 1660-1690 гг.)

(490) ро Imali mnoho Rosboynickow na lese (RB, 74)

▪ идея развертывания движения по поверхности, при котором осуществлялся непосредственный контакт с последней:

(491) ... да и побежал на Крым. (Стат. сп., 80, 1570 г.)

(492) ... с его животом на иной город куда сойду... (ПРП, 1646 г.)

Интересно, что подобное осмысление, хотя и ограничено, сохраняется в современном языке.

▪ рассредоточение по поверхности отдельных элементов в рамках единого целого:

(493) ... будет те починки ставили мужики [...] без писцовых дач на обводном лесу, а не на монастырском лесу Осифова монастыря... (АФЗХ/2, № 418, 1605 г.)

(494) А колодязи на бору вмѣсти... (ГВНП, № 196, сер. XV в.)

▪ профилирование идеи направленности внимания на поверхность в ситуациях контроля над определенной административной территорией как неким подвластным кому-либо владением:

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

- (495) ... и намѣстниковъ своихъ посадиша на Псковѣ... (ВЛ, т. 7, 150)
(496) А владыка в то время не бысть на Новегороде... (ППЛ т/р, 93)
(497) А б(ог)ъ дасть, будетъ митрополит на Рус(и)... (ДГ, № 29, 1433 г.)

▪ стяжение разрозненных элементов в единое целое; превалирует у тех конкретных реализаций концепта >ГОРОД<, где само название города совпадает с названием реки, на которой он располагается:

- (498) ... и бысть князю великому свадьба на Коломнѣ... (РогЛ, 83)
(499) ... я сирота твои Васка став на Москвѣ... (МДБП, № 67, 1668 г.)

▪ актуализация ассоциативных связей между совершенно разными пространственными объектами. Доминирующее употребление предлога НА при таких городах, как *Торжок, Белоозеро, Углич, Устюг, Холмогоры*, объясняется, как нам кажется, тем, что в основу этих топонимов были положены представления о конкретных локумах (*торг, озеро, поле, устье, холм, гора*), которые в исследуемый период осмыслились или как ограниченные поверхности, или как гетерогенные пространства. Связь с первоначальными смыслами постепенно ослабевает к XV – XVI векам, что привело в конечном счете к упорядочению и унификации представлений о городах как неких закрытых пространствах-вместилищах.

Таким образом, иное употребление в XIV – XVII веках предлогов В и НА при некоторых локумах по сравнению с современной нормой, вовсе не связано с ‘безграмотностью’ носителей языка того времени, с одной стороны, или с внутриязыковым совпадением локативно-обстоятельственных отношений этих предлогов, с другой. Широкая вариативность В и НА свидетельствует о том, что пространственная концептуальная система изучаемого периода была гораздо подвижнее, а носитель языка свободнее в определении релевантных признаков, которые и влияли в конечном счете на выбор предлога при различных локумах. Представления о пространственных объектах, не столь однозначные из-за специфики формы последних, в определенных когнитивных ситуациях зависели от того, что про-

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

филировал носитель языка, что для него в заданной ситуации оказывалось главным. Колебания были связаны с сужением или расширением фокуса наблюдателя, переключением его внимания с самого локума на его окружение или с границ на его внутреннюю поверхность. Кроме того, не последнюю роль играли и ассоциации, связанные с определенными пространственными объектами, легшими в основу топонимов.⁷²

Подобная свобода и подвижность пространственной концептуальной системы постепенно исчезает к началу XIX века, что было обусловлено не в последнюю очередь активными процессами кодификации и нормирования русского языка. Но это тема иного исследования.